

Mitmekeelne

HARIDUS

МНОГОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ / MULTILINGUAL EDUCATION

RAHVUSKULTUURILINE

**IDENTITEET JA
KEELE ROLL**

ENESEMÄÄRAMISEL

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ

**ИДЕНТИЧНОСТЬ
И РОЛЬ ЯЗЫКА**

В САМООПРЕДЕЛЕНИИ

NATIONAL-CULTURAL

**IDENTITY AND THE
ROLE OF A LANGUAGE**

IN SELF-IDENTITY

MITMEKEELNE HARIDUS

Teaduslik-metoodiline ajakiri
Rahvuskultuuriline identiteet ja keele roll enesemääramisel
Erinumber
Nr 2/2018 ISSN 2585-4887
27. märts 2018. a.

Peatoimetaja

Olga Burdakova

Toimetuskolleegium

Tatjana Babanskaja
Larissa Degel
Kristina Kallas
Jelena Nõmm
Mai-Liis Palginõmm
Niina Raud

Korrektuur

Olga Burdakova (vene keel)
Elena Deryabina (vene keel)
Jesse Lee Davey (inglise keel)
Jelena Nõmm (vene keel)
Niina Raud (inglise keel)
Silvi Seesmaa (eesti keel)

Kujundus ja küljendus

Brand Effect

Materjalide ja nende fragmentide kasutamisel
on kohustuslik viidata ajakirjale Mitmekeelne Haridus.

МНОГОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-методический журнал
Национально-культурная идентичность
и роль языка в самоопределении
Специальный номер
Nr 2/2018 ISSN 2585-4887
27 марта 2018 года

Главный редактор

Ольга Бурдакова

Редакционная коллегия

Татьяна Бабанская
Лариса Дегель
Кристина Каллас
Елена Нымм
Май-Лийс Палгинымм
Нина Рауд

Корректоры

Ольга Бурдакова (русский язык)
Елена Дерябина (русский язык)
Джесси Ли Дэви (английский язык)
Елена Нымм (русский язык)
Нина Рауд (английский язык)
Сильви Сеэсмаа (эстонский язык)

Дизайн и компьютерная верстка

Brand Effect

При воспроизведении материалов и их фрагментов
ссылка на журнал «Многоязычное образование»
обязательна.

**TOIMETAJA VEERG
КОЛОНКА РЕДАКТОРА**

- 4 Ольга Бурдакова
Национально-культурная
идентичность и образование.

**TEOREETILISED JA
RAKENDUSLIKUD
UURINGUD
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

- 5 Aune Valk
Miks ja kuidas hoida oma päritolu
identiteeti?
- 10 Žanna Razinkova
Perceptions of National Identity
among Modern Canadian and
Estonian Students.
- 13 Marianna Makarova
Oma juurte austamine annab aluse
teiste kultuuride mõistmiseks ja
austamiseks.

**PEDAGOOGILINE
FOORUM
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ**

- 18 Ольга Бурдакова, Елена Нымм
От редколлегии.

**EKSPERDID VASTAVAD
ОТВЕЧАЮТ ЭКСПЕРТЫ**

- 19 Triin Vihalemm
- 20 Marek Tamm
- 21 Karmela Liebkind
- 22 Galina Maslova
- 24 Marianna Makarova
- 26 Kristina Kallas

**METOODILINE TÖOTUBA
МЕТОДИЧЕСКАЯ
МАСТЕРСКАЯ**

- 27 Елена Нымм
Поддержка
национально-культурной
идентичности учеников в
школе.

- 34 Аида Разумовская
Формирование национальной
идентичности при изучении
литературы русской эмиграции:
«Темные аллеи» И. А. Бунина.

**PERSOON
ПЕРСОНА**

- 38 Ольга Бурдакова,
Елена Нымм
Ирене Кяосаар:
«Дадим человеку
самому решать, кто он».

**KIRJANDUSÜLEVADE
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**

- 44 Лариса Дегель
Обзор главы «Миграция,
изменения идентичности и
языка» из доклада о развитии
человеческого потенциала
2016/2017 гг. «Эстония в эпоху
миграции».
- 45 Ольга Бурдакова, Елена Нымм
Русская община
Эстонии: в поисках
духовных опор и
ориентиров.

**SÜNDMUSTE KROONIKA
ХРОНИКА СОБЫТИЙ**

- 48 Ольга Бурдакова, Елена Нымм
Международная
конференция Фонда
интеграции
«Единство в
многокультурном
обществе:
роль культуры, медиа и
гражданского общества».
- 50 Татьяна Шор
«ESTO-RUSSICA»: Пятый научный
семинар памяти С. Г. Исакова.
- 52 Елена Дерябина
Научно-практическая
конференция «Русский
язык в поликультурном
образовательном пространстве-I:
Формирование ключевых
компетенций на уроках русского
языка и литературы».

Национально-культурная идентичность и образование

ОЛЬГА БУРДАКОВА

Самосознание и самоопределение — дело, как известно, глубоко личное. На то оно и с а м о-... Тем не менее вопрос о национально-культурном самоопределении оказывается в числе наиболее обсуждаемых в наших средствах массовой информации, порождая эмоциональные и зачастую острые дискуссии, в которых проявляется обеспокоенность представителей этнического большинства и национально-культурных меньшинств за судьбу прежде всего молодого поколения.

Принятые в 2011 г. государственные программы обучения для основной школы и гимназии очень большое внимание уделяют поддержке ученика в самоопределении (в том числе и культурном). Неслучайно культурная идентичность — одна из восьми социально значимых «сквозных тем», предусмотренных действующими программами обучения. Последние, как известно, определяют результаты, которых должен достичь ученик. Согласно действующим учебным программам, уже по окончании 3-го класса ученик «знает свою национальную принадлежность и с уважением относится к ней» (ГПО 2011: ст. 9), а по окончании 6-го класса «ценит свою национальную принадлежность и культуру среди других национальностей и культур, относится к людям непредвзято, признавая различия в людях, взглядах и ситуациях, а также понимает необходимость компромиссов» (ГПО 2011: ст. 7). Другими словами, современная школа в нашем многонациональном государстве уже на первых этапах получения образования как систематического знания должна поддерживать каждого ученика в культурном самосознании, научить ценить родную культуру и уважать многообразие культур. Задача важная и

вместе с тем очень сложная. Именно поэтому второй номер нашего журнала мы решили целиком посвятить вопросам национально-культурной идентичности и поддержке учеников в самоопределении, постараться перевести обсуждение этих вопросов из общественно-политического поля в научную и педагогическую плоскость.

В Эстонии на протяжении не одного десятилетия ведется научное изучение национально-культурной идентичности представителей разных групп. Большое внимание в этих исследованиях по праву уделяется молодежи — учащимся школ и вузов. С культурой каких этнических групп осознает свою связь молодежь Эстонии? Как решает наша молодежь вопрос о самоопределении? Сопоставимы ли ответы на последний вопрос с ответами молодых людей из соседней Латвии? Есть ли связь между этнической, гражданской идентичностями и такими переменными, как «самооценка» человека и его «удовлетворенность жизнью»? Ответы на эти и другие вопросы дают обзоры мониторинга культурной и этнической идентичности в нашей рубрике «Теоретические и прикладные исследования».

В общественных дискуссиях об идентичности нередко проявляются страхи за будущее молодого поколения. Не приведет ли процесс глобализации к размыванию идентичности? Что стоит за отказом от национального самоопределения в пользу таких наднациональных категорий, как «европеец» или «космополит», — попытка преодолеть кризис идентичности или достижение наивысшей степени межкультурной чуткости? Несет ли раннее обучение на неродном языке угрозу для идентичности? Не приведет ли оно к маргинализации — утрате связи с этническими

и культурными группами? Что нужно сделать для формирования позитивной совместимости национально-культурной и гражданской идентичности у представителей меньшинств? Шестеро признанных экспертов из Эстонии, Финляндии и России размышляют над этими вопросами в нашей рубрике «Педагогический форум».

Как отмечалось выше, государственные учебные программы Эстонии перед каждым школьным учителем ставят задачу поддержки ученика в культурном самоопределении. Как решить эту сложнейшую задачу? Какие методы и приемы помогут достичь обозначенных в программе целей? В нашей рубрике «Методическая копилка» описываются и демонстрируются на конкретных примерах разные способы формирования и поддержки культурной идентичности. Представленные в рубрике фрагменты учебного материала по поддержке национально-культурной идентичности русских жителей Эстонии могут стать своего рода образцом для создания аналогичных материалов по поддержке идентичности представителей других национальных меньшинств.

Обсуждая вопрос культурного самоопределения представителей национальных меньшинств в Эстонии, нельзя обойти вниманием проблемы интеграции в эстонском обществе. Большое интервью с директором Фонда интеграции Ирене Кяосаар читайте в нашей рубрике «Персона». В нем откровенная беседа о личном поиске идентичности, оценка успешности программ раннего и позднего погружения в Эстонию, определение целей интеграции на современном этапе, рассказ о трудностях, стоящих на ее пути, и многое другое. 📖

ЛИТЕРАТУРА

Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti?

AUNE VALK

Aune Valk (PhD psühholoogias) on viimase 25 aasta jooksul uurinud etnilist ja riiklikku identiteeti erinevate gruppide hulgas nii Eestis kui teistes Balti- ja Põhjamaades. Ta on töötanud Tartu Ülikoolis ja OECD täiskasvanute oskuste uuringu PIAAC riikliku projektijuhina. Aune Valk on avaldanud artikleid ja toimetanud raamatuid erinevatel haridus- ja võrdlevatel kultuuriteemadel nii eesti kui inglise keeles. Praegu töötab ta analüüsiosakonna juhatajana Haridus- ja Teadusministeeriumis.

FOTO ERAKOGUST

AUNE VALK

Eestis räägitakse lõimumisest peamiselt kui protsessist, mille käigus venekeelne elanikkond õpib ära eesti keele ja omandab Eesti kodakondsuse. Need on loomulikult väga olulised tegurid, et eluga Eestis hästi hakkama saada. Vähemusgruppide jaoks on lõimumisel aga ka teine pool ehk küsimus sellest, kuidas suudetakse ja isegi soovitakse säilitada oma päritolu kultuuri ja identiteeti. Kuidas saadakse hakkama kahe kultuuri ja identiteedi — oma päritolu ja elukohariigi — ühildamisega?

Teiseks on lõimumine küsimus ka sellest, kuidas avatud on eestlased: avatud oma identiteeti jagama, avatud erinevatele eestlaseks/eestimaalaseks olemise viisidele?

Ja kolmandaks pole lõimumine vaid siseriiklik teema. See on küsimus ka laiema kuuluvusest: eestlaseks/eestimaalaseks olemisest Balti- ja Läänemere maade, Euroopa või hoopis Nõukogude Liidu kontekstis. Kuhu arvame ennast ise kuuluvat ja kuhu paigutavad meid teised? Püüan siin artiklis mõne viimasel kümnendil läbiviidud uuringu alusel neile küsimustele natuke valgust heita.

KUHU KUULUME, KAS PÄRITOLU ON OLULINE?

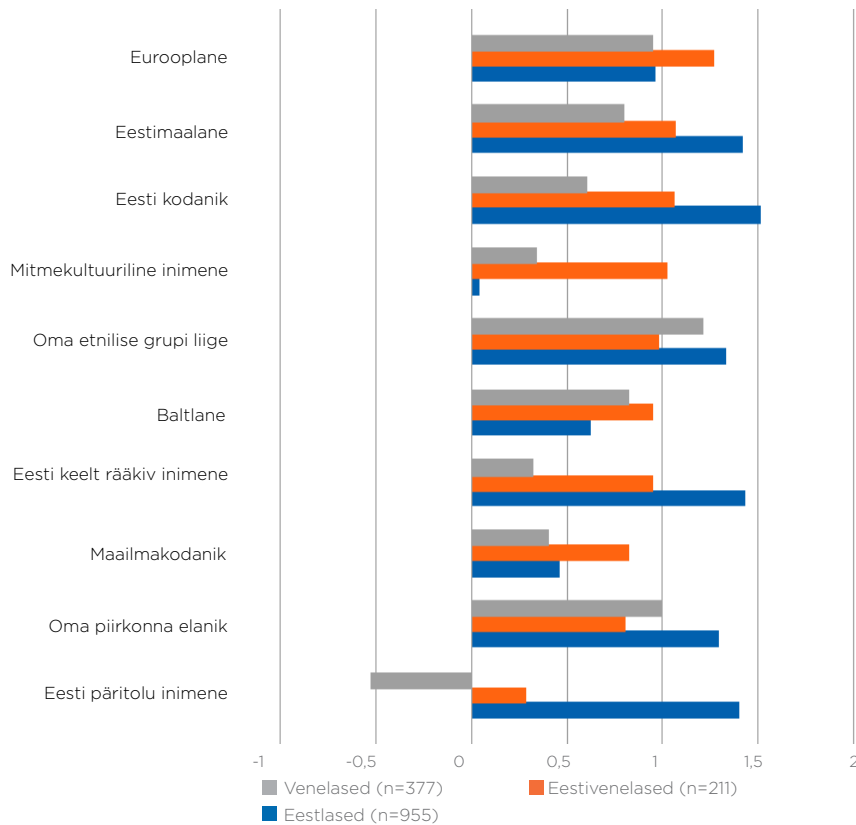
Projekti „Muusika ja identiteet (2008–2011)“ ühe teemana uurisime erinevate identiteetide olulisust eestlaste ja Eestis elavate venelaste hulgas. Viimaste seas eristasime

neid, kes peavad end eestivenelasteks, ja neid, kes nimetavad end venelasteks. Oma päritolu ehk etniline identiteet² on kõigi vähemusrühmade jaoks tähtis. Vahe on selles, kuidas >>

¹ Uuringus osales 955 eestlast ja 588 Eestis elavat venelast (keskmine vanus 28). Venekeelsed vastajad jagasime lähtuvalt nende enesemääratlusest kaheks: venelased ja eestivenelased. Viimaseid oli ligikaudu 1/3 ning nende vastused erinevatele identiteediga seotud küsimustele eristusid selgelt venelaste vastustest.

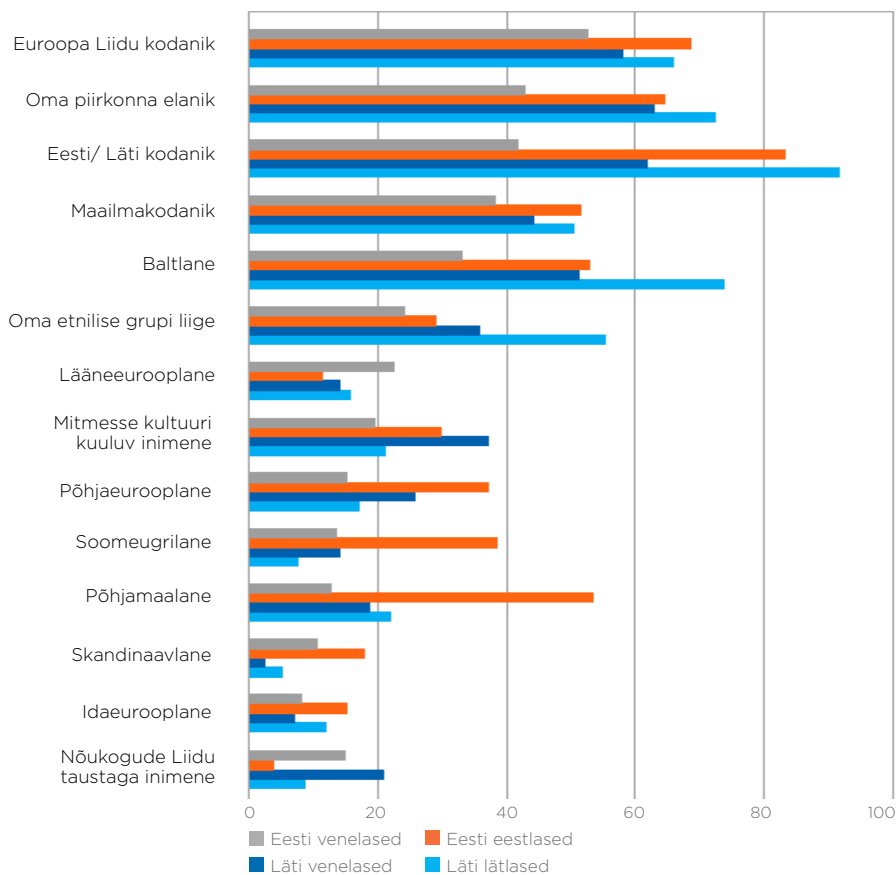
² Artiklis on eraldi juttu nii **etnilisest kui riigiidentiteedist**, millest esimene iseloomustab ühte kindlat etnilist rühma ja viitab päritolule, samas kui teine peaks olema omaksvõetav ühes riigis elavatele erinevatele etnilistele rühmadele, sõltumata rühma kuuluvate inimeste päritolust.

» seda teiste identiteetidega ühildada suudetakse. Nagu on näha jooniselt 1, need, kes peavad end venelaseks, peavad päritolu võrreldes teiste uuritud gruppikuuluvustega kõige olulisemaks. Lisaks väärtustavad venelased piirkondlikku ja Euroopa identiteeti, pidades neid olulisemaks kui eestimaalaseks või Eesti kodanikuks olemist. End eestivenelastena määratlevate inimeste jaoks on võtmekohal mitmekultuurilisus ning oskus võrdselt tähtsustada erinevaid kuuluvusi: eurooplaseks olemise kõrval on väga olulised ka Eesti kodaniku ja eestimaalase identiteet, samuti oma etniline identiteet. Eestlaste hulgas on võrdselt tähtsad kõik Eestiga seotud kategooriad, nii kodakondsuse, maa, keele kui etnilise kultuuriga seonduvad, aga ka piirkondlik ja Euroopa identiteet. Sama teemat ja sarnaste kategooriate lõikes uurisime ka 2010–2013 (Valk jt 2013) SA Unitas juhitud projektis „Erinevad rahvused – jagatud kogemused (Different Nations—Shared Experiences)“, mis käsitles Eesti, Läti, Soome ja Rootsi keskkoolinoorte identiteeti, hoiakuid, ajalooteadvust ja -teadmisi. Ka selles uuringus eristasime Eesti eestlaste ja Eesti venelaste vastuseid, kuna nende vaade identiteetide tähtsusele erines oluliselt. Uuringus ei jagatud venekeelseid vastajaid enesemääratluse alusel kaheks rühmaks. Täpsemalt vaatleme Eesti ja Läti noorte vastuseid, sest ka Lätis eristusid kohalike venelaste vastused lätlaste omadest.

JOONIS 1. Eestiga seotud, etniliste ja piirkondlike identiteetide olulisus eestlaste, Eestis elavate venelaste ja end eestivenelasena määratlevate inimeste hulgas. Keskmised tulemused

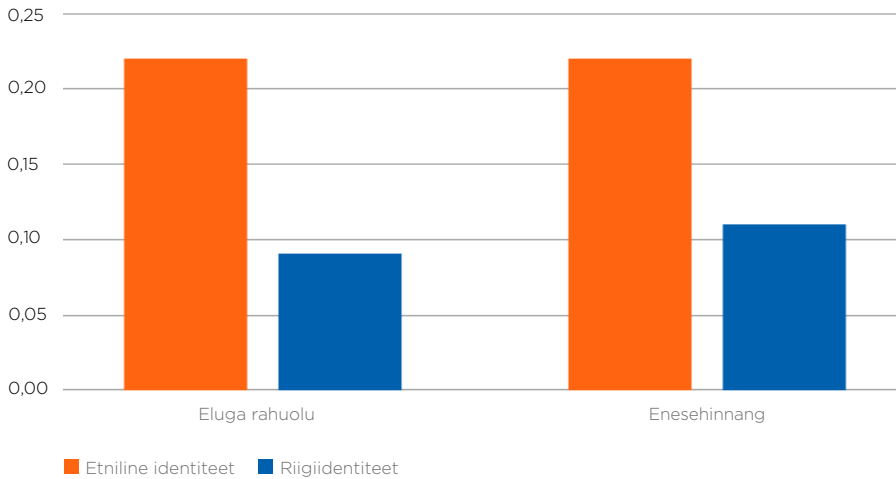
MÄRKUS: Tulemused varieeruvad skaalal -2 kuni 2, kus 2 tähistab väga olulist kuuluvust ja -2 ebaolulist.

JOONIS 2. Eesti ja Läti noorte erinevad kuuluvused
MÄRKUS: Joonisel on osakaal õpilastest, kes pidasid vastavat identiteedigruppi või kategooriat enda jaoks oluliseks või väga oluliseks. Allikas: SA Unitas projekti „Different Nations—Shared Experiences“ kogutud andmed, autori arvutused (Valk jt 2013).

Joonisel 2 on ilmekalt näha, et eestlastest õpilaste identiteedis on sarnaselt Rootsi, Soome ja Läti lätlastest noortega kõige olulisem oma riigi kodanikuks olemine, millele järgnesid Eestis Euroopa Liidu kodaniku, Soomes põhjamaalase, Rootsis skandinaavilase ja Lätis baltlase identiteet. Eesti venekeelsete noorte jaoks oli esikohal Euroopa Liidu ning Läti venekeelsete noorte jaoks oma piirkonna ja riigi identiteet. Oma päritolu ehk etniline identiteet on kõigi noorte jaoks vähem tähtis kui oma riigi kodanikuks olemine. Eesti venekeelsetel noortel on enamiku teiste rühmadega (v.a Rootsi noored) võrreldes pea kõik identiteedid vähem olulised. Eestlastele on eestivenelastest tähtsamad riiklik identiteet ja Põhja-Euroopa/põhjamaalase identiteet. Läti venekeelsete noortega sarnaselt peavad Eesti venekeelsete noored end eurooplaseks ja maailmakodanikuks, üle 20% Läti venekeelsetest ja 15% Eesti venekeelsetest noortest pidas oluliseks ka enda NLI tausta. Võrreldes Läti venekeelsete noortega on Eesti venekeelsetel noortel nõrgemini eristunud lähemad piirkondlikud identiteedid (oma piirkond, riik, Baltikum).

On selge, et identiteedid ei teki tühjale kohale. SA Unitas projekti fookuses oli Balti riikide ühtsus ning mõistmaks, kuidas see tekib, uurisime noortelt kolme valdkonda: naaberriikide külastamist, sõprade omamisi naaberriikidest ja naabrite ajaloo tundmist. Hüpootees oli, et tugevama Balti riikide või Põhjamaade identiteediga on need noored, kel on enam

JOONIS 3. Etnilise identiteedi ja riigiidentiteedi seosed eluga rahuloluga ja enesehinnanguga. (regressioonanalüüs)
MÄRKUS: Arvestatud on tööturu staatust, vastanute vanust, sugu, haridust, kodakondsust, hõivet ja pere majanduslikku olukorda. Regressioonikordaja suurus näitab seose tugevust, nt kui etniline identiteet kasvab ühe punkti võrra, siis eluga rahulolu kasvab 0,22 punkti.

kogemusi teistest riikidest, kes tunnevad teiste riikide noori ja kellel on enam teadmisi naabrite ajaloo kohta. Eesti keskkoolinoortest oli 60% käinud kõigis kolmes (Läti, Soome, Rootsi) naaberriigis ja 20% oli käinud kahes riigis, need külastatavuse näitajad olid oluliselt suuremad kui teistes uuritud riikides (nt Lätis olid vastavad osakaalud 14% + 33%, Soomes 12% + 47% ja Rootsis 4% + 8%). Ka sõpru oli Eesti noortel naaberriikides enam: 62%-l oli sõber³ vähemalt ühes naaberriigis (Soomes 47%, Lätis 32%, Rootsis 26%). Naaberriikide ajaloo tundmises olid parimad Läti noored. Kõik kolm tegurit olid (eri riikides eri tugevuse ja olulisusega) seotud nii Põhjamaade kui Balti (Läänemere regiooni) riikide identiteediga. Uuringus ei vaadatud sarnaseid seoseid päritolu- või riigiidentiteedi kohta, kuid võib arvata, et samamoodi toimivad ka need: mida enam teatakse millegi kohta, omatakse kogemusi sellega seoses, tuntakse inimesi vastavast rühmast, seda olulisem ja tähtsustuslikum see rühm inimese jaoks on.

Loomulikult võib küsida, miks erinevad identiteetid üldse olulised on? Miks on üksikisiku seisukohast vaja hoida oma päritolu identiteeti? Miks on tähtis tunda ühtekuuluvust inimestega, kes elavad samas riigis? Identiteetidid toetavad inimeste erinevaid vajadusi (Vignoles jt 2006), kuid kõige enam tähtsustatakse siiski identiteedi olulisust inimese enesehinnangule ja eluga rahulolule. Vähemusrühmade jaoks on üsna olulised nii päritolu- kui riigiidentiteet, sest nende puhul on leitud, et päritoluidentiteedi hoidmine toetab enesehinnangut ning riiklik identiteet eluga rahulolu. Meie uuring näitas, et Eestis toetavad mõlemad identiteetid nii eluga rahulolu kui ka enesehinnangut, kuid seosed eluga rahuloluga on tugevamad. Lisaks on eluga rahulolu suurem ka Eesti kodakondsusega

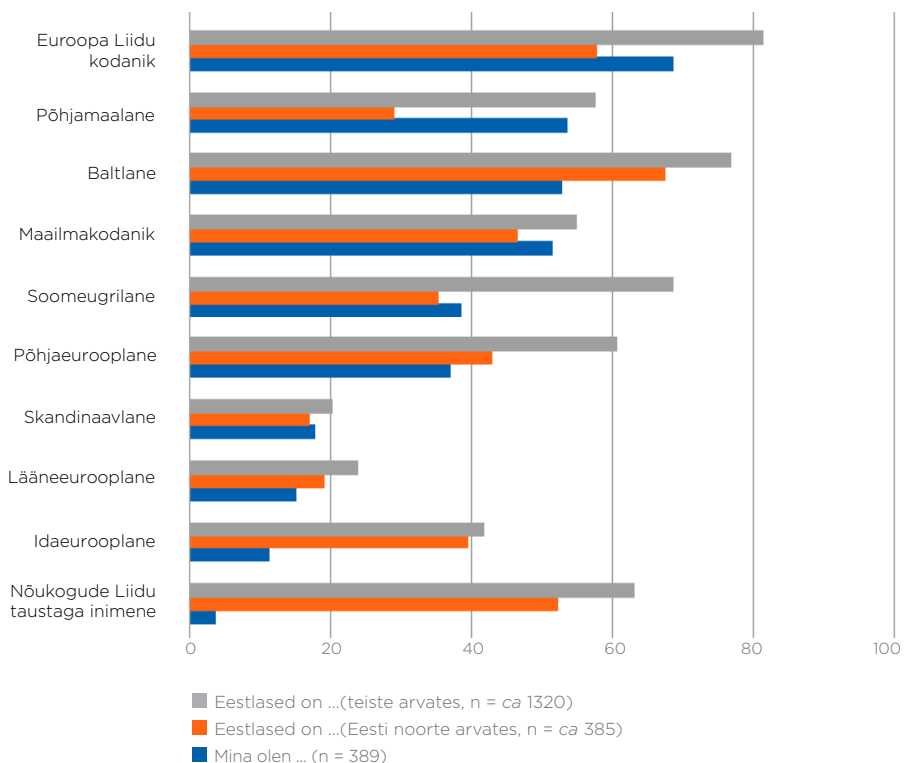
inimeste hulgas. Seosed identiteetide tugevuse ning eluga rahulolu ja enesehinnangu vahel on olulised ka siis, kui arvestada vastajate sugu, vanust, hõivet, haridust ja pere majanduslikku olukorda, st et identiteedi ja eluga rahulolu seos pole juhuslik ning ei tulene vaid sellest, et identiteet on tugevam nt vanematel kõrgema haridusega naistel, kellel on suurem sissetulek. Kui võrdleme ka kaht nimetatud tunnustes sarnast inimest, siis on sellel, kellel etniline või riigiidentiteet on tugevam, ka kõrgem

enesehinnang ja nad on oma eluga enam rahul.

Nii Eesti kui ka rahvusvahelised uuringud näitavad, et noorematele on oma päritolu ehk etniline identiteet vähem tähtis kui vanematele. Etnilist identiteeti peab oluliseks vaid ¼ eestivene noortest, kuid see pole olulisem ka eestlaste, soomlaste või rootslaste hulgas. Vanuse kasvades selle tähtsus siiski kasvab. Veidi vanemad end venelasena määratlevad inimesed elavad oma mõtetega juurte juures (Venemaal), oma lähimas ümbruses (Tallinnas, Ida-Virumaal) ja Euroopas. Eesti kui tervik jääb sellest maailmast veidi kõrvale. Need, kes peavad end eestivenelaseks, elavad paljudes maailmades korraka, nende jaoks on pea võrdselt olulised nii Euroopa ja maailm kui ka kodukant Eestis ja juured Venemaal ning Eesti ja eesti keel. Võtmesõnaks nende puhul on samaaegselt mitmesse kultuuri kuulumine: arusaam, et ei olda vähem venelane, kui tuntakse end samal ajal ka Eesti kodaniku, eestimaalase, eurooplase ja näiteks narvalasena. Eestlaste maailm on Eesti ja Euroopa keskne ning nagu keskkoolinoorte uuringust selgub, siis noorte hulgas ka tugeva Põhjamaa rõhuasetusega. Ja lõpuks, Eestis elavad venelased, kes on suutnud hoida oma päritoluidentiteeti ja samal ajal tunnevad seotust ka Eesti riigiga, on rohkem rahul nii iseenda kui oma eluga.

TEISTE ARVAMUS MEIST

Identiteet kujuneb välja vastastikuselt suhtluses üksteise grupikuuluvuse tun- >>

JOONIS 4. Noorte enda ja kolme naaberriigi (Läti, Soome, Rootsi) õpilaste tajupirkondlike ning Eestiga seotud identiteetide võrdluses

³ Sõbraks loeti ka need, kellega suheldakse elektroonsel teel.

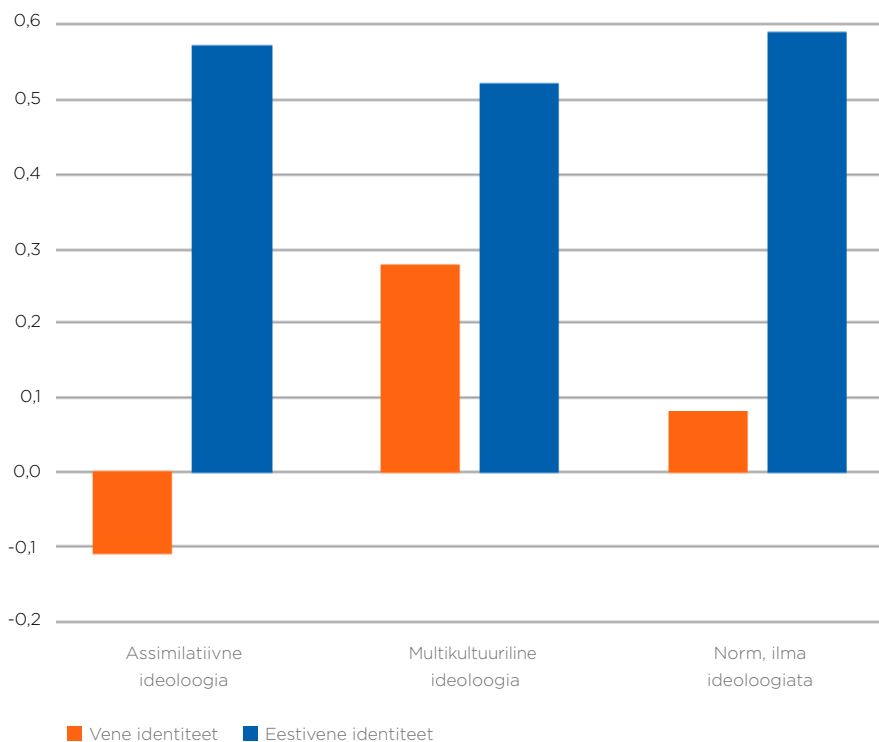
» nustamise kaudu ning sellest tulenevalt uurisime ka seda, kuidas eri riikide noored tajuvad üksteist. Siinkohal võrdleme omavahel kolme vaadet identiteedile: see, mida noored enda jaoks isiklikult tähtsaks peavad; mis identiteedi kategooriad on nende arvates olulised kõigile nende riigi elanikele; ja mida teiste riikide noored meie noorte kohta arvavad. Suurimad vastuolud Eesti noorte enda jaoks olulistest identiteetidest ja teiste tajus eestlaste kohta ilmnesid põhjamaalaseks ja Nõukogude Liidu kodanikuks olemises. Kui 58% Eesti noortest peab põhjamaalase identiteeti enda jaoks oluliseks, siis teistest riikidest pärit noortest poole vähem peab seda eestlaste kohta iseloomulikuks. Samas kui vaid 4% Eesti noortest tajub end Nõukogude Liidu taustaga inimesena, iseloomustaks eestlasi selle kategooriaga üle 50% teiste riikide noortest.

Põlvkondlikud erinevused (noorte tajud endast ehk "mina olen ..." vs. noorte arvamus kogu rahvusrühmast ehk "eestlased on ...") ilmnesid põhjajaeurooplaseks, soomeugriilaseks ning idaeurooplaseks olemises ja NLI tausta tähtsustamises. Noored peavad kõiki neid kategooriaid enda jaoks vähem iseloomulikuks võrreldes sellega, kuidas nad kirjeldavad eestlasi üldiselt.

AVATUS ERINEVATELE EESTLASEKS OLEMISE VIISIDELE

Viimase 20 aasta identiteediuringud näitavad, et eestlaste identiteet on muutunud selle aja jooksul avatumaks (Valk 2017). See tähendab ennekõike seda, et oma rahvusrühma üle uhkuse tundmiseks ei pea end teistele vastandama, mis veel 20 aastat tagasi oli eestlaste identiteedile iseloomulik. Oma eripära ja piiride rõhutamine 1990-ndatel äsja taasiseseisvununa on mõistetav. On kurvastav tagantjärele tarkus, et selles protsessis jäeti teised eestimaa-lased "meie-grupist" sageli välja. Praegu on eestlaste arusaam eestlaseks olemisest sarnasem eestivenelastega. Pooled eestlased peavad võimalikuks olla eestlane ka eesti keelt vabalt valdamata ning kolm neljandikku leiavad, et inimene võib korraga kuuluda mitmesse etnilisse rühma (rahvusesse). Selles küsimuses eristuvad selgelt eestivenelased, kes ennast ise mitmesse rühma kuuluvaks peavad.

Eestlaste varasemast suuremat avatust näitab ka see, kui võrd vajalikuks ja väärtuslikuks peavad eestlased siin elavate teistest kultuuridest pärit inimeste soovi oma kultuuri hoida. Vaatasime ühes väikesemahulises venekeelsete üliõpilaste hulgas läbi viidud uuringus (Pilvisto, Valk 2018 trükis), kuidas eestlaste avatus mõjutab venekeelsete noorte riigiidentiteeti. Lõime kaks kunstlikku olukorda. Ühes veensime vastajaid, et eestlased ei toeta vähemuskultuuride ja -keelte hoidmist (assimilatiivne ideoloogia). Teises,

JOONIS 5. Eestlaste akultuursiooniga seotud hoiakute mõju venekeelsete üliõpilaste (vene ja eestivene) riigiidentiteedile (Pilvisto, Valk 2018 trükis)

MÄRKUS: Joonisel on esitatud riigiidentiteedi tugevus Eestis elavate venelaste hulgas kolmes erinevas situatsioonis: assimilatiivses, multikultuurilisust toetavas ja neutraalses.

	Venelane	Eestivenelane	Eestlane
Kas eestlane võib olla keegi, kes ei valda eesti keelt, aga tahab ise olla eestlane?	42%	55%	48%
Kas peate võimalikuks kuuluda korraga mitmesse etnilisse rühma?	75%	92%	73%

TABEL 1. Eestluse jagamist iseloomustavate väidetega nõustumine eestlaste, Eestis elavate venelaste ja end eestivenelasena määratlevate inimeste hulgas. Jah vastuste osakaal (%)

vastupidi kirjeldasime, et eestlased väärtustavad seda, et Eestis elavad eri rahvusest inimesed (multikultuuriline ideoloogia). Pärast vastavat taustalugu hindasime venekeelsete noorte riigiidentiteeti — selleks palusime neil vastata (nõustuda — mitte nõustuda) riigiidentiteedi küsimustikule, mis koosneb kaheksast väitest, nt nagu „Olen uhke, et Eestit teatakse kui väikest ja edukat riiki.“ või „Mulle on/oleks oluline olla Eesti Vabariigi kodanik.“

Selgus, et end eestivenelastena identifitseerivate noorte riigiidentiteedis erinevusi ei olnud — nii mitmekultuurilises, assimilatiivses kui neutraalses ehk normsituatsioonis oli nende riigiidentiteet sama tugev.

Samas end venelastena identifitseerivate noorte jaoks on kontekst oluline. Assimilatiivses olukorras, kus nad peaksid Eestis elamiseks oma päritolu keelest ja identiteedist loobuma, oli nende riigiidentiteet oluliselt nõrgem kui mitmekultuurilises olukorras, kus enamusrühma liikmed toetasid nende keele ja kultuuri säilimist. Siit saab teha järelduse, et survestatud assimilatsioon võib viia selleni, et riigiidentiteedi tugevnemise asemel see hoopis nõrgeneb. Kui inimesed pole valmis oma päritolukultuurist loobuma, siis selle ohustamine tekitab hoopis negatiivse reaktsiooni.

KOKKUVÕTE

Eesti pole viimase kahekümne viie aasta jooksul teinud läbi mitte ainult kiiret majanduslikku arengut, vaid muutunud on ka eestlaste ja eestimaalaste identiteetidid.

Üheks positiivsemaks muutuseks saab pidada eestlaste avatuse kasvu, mida näitab see, et eestlaseks olemiseks või saamiseks ei ole seatud rangeid piire. Eestlaseks/eestimaalaseks on praegu lihtsam saada kui 25 aastat tagasi.

Uuringud näitavad, et kolmandik Eesti venelastest on 25 aastaga leidnud endale viisi elada korraga mitmes maailmas: nad nimetavad ennast eestivenelaseks ja tähtsustavad pea võrdselt nii oma etnilist päritolu, Eesti riiki kui ka kuuluvust Euroopasse.

Siiski on palju venelasi, kes tugeva päritoluidentiteedi kõrval ei näe võimalust tunda ühtekuuluvust Eestiga. Siin on kindlasti tähtis küsimus selles, kas ühiskond (olgu ametliku poliitika

või inimeste hoiakute näol) toetab piisavalt korraga mitmesse kultuuri kuulumist ja mitmekeelsust. Arvatavasti tunnevad paljud vähemusrühma kuulujad, et nad peavad valima venelaseks ja eestimaalaseks olemise vahel. Päritoluidentiteet nagu ka riiklik identiteet on olulised enesega ja eluga rahulolu jaoks ning riigi roll on neid mõlemaid identiteete toetada, surumata alla ühte neist. Kindlasti on siin mõtlemiskohti ka koolidele ja õpetajatele, mismoodi arendada mitmikidentiteete tänapäeva noortes. Identiteedi omandamiseks on vaja nii teadmisi, kogemusi kui ka suhteid, aga ka toetavat suhtumist, et mitu keelt ja kultuuri on väärtus. Sotsiaalne identiteet on teadmine oma kuuluvusest mõnda gruppi koos sellele omistatava emotsionaalse väärtuse ja tähendusega. Identiteeti ei saa luua tühjale kohale. Vaid faktist, et vanemad on venelased, ei piisa selleks, et inimene ka ise ennast venelasena tunneks ja mõistaks, mida see tema jaoks tähendab. Selleks, et mõnda rühmaliikmed kuuluda, on vaja **teada ja osata** paljusid asju: kombeid, keelt, kultuuri nii, et ka teised rühmaliikmed seda kuuluvust tunnustaksid. Samavõrra tähtsad on **kogemused**, nt eri paikade külastamine. See, kui Eestis elavatel vene noortel on nõrk eestimaalase identiteet ja tugevam piirkondlik identiteet, võib otseselt olla seotud väikese Eestis ringisõitmise kogemusega. Samuti on väga olulised **suhted** sama rühma liikmetega. Olgu see päritoluidentiteedi hoidmine või riigidentiteedi kasvatamine — kuigi teadmised on tähtsad, ei saa identiteeti omandada õpiku abil. Vaja on suhtlust vastava rühma liikmetega.

VIIDATUD ALLIKAD

Valk jt 2013 — Valk, Aune; Ivarsson, Carl-Johan; Dura, Danute; Tamm, Evelin; Slotte, Heidi; Juntunen, Juha; Rautiainen, Matti; Oja, Mare (2013). Baltic Sea Region history: awareness among youth, national syllabi, and education. SA Unitas. URL: http://projects.centralbaltic.eu/images/files/result_pdf/DNSE_result2_Research

Valk 2017 — Valk, Aune (2017). Identiteet avatud maailmas. *Eesti inimarengu aruanne 2016/2017*. Tallinn: Eesti Koostöö Kogu, 200–208. URL: www.inimareng.ee

Vignoles jt 2006 — Vignoles, V. L.; Regalia, C.; Manzi, C.; Gollidge, J.; Scabini, E. (2006). Beyond self-esteem: influence of multiple motives on identity construction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90 (2). USA: American Psychological Association, 308–333. DOI: 10.1037/0022-3514.90.2.308.

THE STUDENTS ENROLLED IN THE 2008 EMICC PROGRAMME

Perceptions of National Identity among Modern Canadian and Estonian Students

ŽANNA RAZINKOVA

Žanna Razinkova is the PhD student in English Language and Literature at the University of Tartu and an assistant lecturer at Narva College of the University of Tartu. Žanna's main research interests include: intercultural communication, Canadian studies, (Critical) Discourse Analysis and Conversation Analysis.

The increase in intercultural interaction, cross-border economic and technological exchange that globalisation has brought along have by now become an integral part of everyday life. The borders of many states worldwide are dissolving, embracing diversity and variation. Thus, the understanding and interpretation of national identity are also undergoing a change.

The current PhD study on the topic of "Discursive Definition of National Identity and Citizenship" tries to capture

and explain the changing condition of national identity. To do that, it resorts to Canadian and Estonian fundamental laws and the perceptions of the Universities of Tartu and Toronto humanity students who represent future leading intellectuals of the countries. The study determines whether there is a disparity between the formulations and interpretations of national identity as laid down in the fundamental documents of the countries and Estonian and Canadian students' shifting perceptions. It has to be noted that this research is a

case study and the results show only possible tendencies. Both corpora, the documents and the students' attitudes, are analysed on the basis of the context sensitive Discourse-Historical Approach developed by Martin Reisigl and Ruth Wodak (De Cillia et al. 2009; Reisigl & Wodak 2001).

Since this is an on-going research, the documents will not be a part of the discussion. This short overview will focus on two rather topical questions:

THE STUDENTS ENROLLED IN THE 2008 EMICC PROGRAMME

WHO ARE ESTONIANS/CANADIANS? AND HOW DOES ONE BECOME ESTONIAN/CANADIAN?

In doing that, it will examine the students' attitudes by looking at some relevant examples from both Canadian and Estonian interviews of 20 English-speaking and 19 Estonian-speaking students recorded in 2015.

Before looking at the examples, it has to be noted that both Canada and Estonia are relatively young democracies. Today, Canada represents a multicultural country, or a cultural 'mosaic' (Porter 2015: 72) and Estonia is a relatively homogeneous nation-state. Despite being very different, both promote inclusion and adhere to democratic values and freedoms (e. g., the freedom of speech and religion, etc.), as formulated in their Constitutions and civil rights documents.

Answering the first question (Who are Canadians?), the majority of the Canadian students agree with the above-mentioned stereotypical description of their country, which they are also aware of, depicting Canada as an inclusive society "where anyone (X) go home regardless of religion, culture, race, gender, class and national origin" (IF1). Canada and Canadian people are also referred to as polite, nice, open-minded, friendly, welcoming, accepting and multicultural. These ideas contribute to building a widely accepted stereotypically inclusive Canadian identity.

However, some quotes of the same interviewees cast doubt on an inclusive Canadian image they promote and people this image refers to. For instance, after having portrayed Canada as a multicultural society, IF6 reflects:

Toronto has so many different multicultural so much multiculturalism. I hesitate to think of like someowwne Canadian. But I think outside where it's a little bit less influence like that, emm certainly in the prairies, it's a lot more sort of just like white Anglo-Saxon or Eastern-European descent.

'Canadian' in this quote is used in opposition to multiculturalism and explicitly refers to people of 'Anglo-Saxon' and 'Eastern-European' descent and not, for example, to the French, the native peoples, or Asian immigrants. Considering the multicultural aspect of Canada on both the state and social levels, it raises questions and renders 'Canadian' ambiguous.

While all interviewees support multiculturalism and consider it an

inherent part of their identity, some also put more emphasis on certain national groups. As for example, IM8 points out "I mean, we sort of, founding people of the country would be the English and the French". IM5 agrees, adding the First Nations to the discussion. "The French, English, and First peoples of Canada are the three founding people in our Constitution". Uncertainty regarding the native peoples may stem from the fact that they themselves may not be eager to be Canadians:

For one who is from the First Nations the idea is that... we are First Nations, you know, I am (hodenshwamee), I am Mickmack, I am, you know, and that we co-exist with Canadians but we are not necessarily Canadian ourselves, you know. (IF5)

Interestingly, IF7 notes that "Here, everyone, aside from the First Nations or the Indians, their ethnicity is always something which isn't Canadian". This way, the native peoples may not want to call themselves Canadians, but they are the ones with the right to do so. >>

> The multicultural attitude is also reflected in the criteria for becoming Canadian. In general, the students tend to prioritise the aspects of **residence** and **wish** over the **national culture, language** and **birth**. Accordingly, anyone can become Canadian “anyone who lives here, no matter where they are from /.../ Canadians do come from all over the places” (IF4). What is regarded as Canadian national culture does not seem to be primary for becoming Canadian:

I THINK/I THINK BEING A CANADIAN CAN MEAN I THINK JUST STILL BEING WHO YOU ARE CULTURALLY, I THINK THERE IS NO NEED TO ADOPT. (IM5)

Similarly, language seems to be important only from a practical perspective and all the more so “we understand that not everyone, even Canadians, not everyone is gonna speak English or wants to speak English” (IF6). Nevertheless, after having described Canada as a multicultural country, some of the interviewees’ answers express doubt and hesitation: “Culturally Canadian? I don’t know, like I have been born here, I’m not sure. I kind of don’t trust that when there is ..., now you are actually a Canadian”. In this way, IM8 carefully expresses the importance of **national culture** and **birth**.

Answering the same question (Who are Estonians?), most of the Estonian students point out Estonia’s relative ethnic homogeneity. Estonia and Estonians are generally referred to as homogeneous, keeping together, independent, reserved, hard-working, people of action rather than words and respecting education.

Notably, in an answer to the question about whether Estonians are homogeneous/heterogeneous, the students would hesitate and then, proceed describing a distinct national character instead of addressing ‘homogeneity/heterogeneity’ in the sense of ethnic diversity. The following quote, shows the initial reaction to the question: “Mis mõttes? Kas nad hoiavad kokku, kas nad ühte-

moodi?”. As can be seen, IF8 is uncertain about the meaning of the word and carries on describing Estonians as keeping together and being similar (homogeneous). Further the interviewee explains: “Esimesena tuleb mõte, kas neil on mingisugused ühtsed iseloomujooned, midagi mis teeb neid teeb ära tuntavaks”. Likewise, IF4 emphasizes the importance of keeping together and the lack of open-minded thinking: “Eestlased on kokkuhoidvad. Jah, eestlased on sar-

nased (ja neil on) mingi koha pealt nagu silmaklapid ees vaata, et just võib olla selle avatud mõtlemise koha pealt”. The references to common Estonian personality traits, which constitute a part of a distinct national character, instead of ethnic diversity, while Estonia is home for different national groups, raise questions about how inclusive Estonian society is and who ‘eestlased’ refers to.

Similarly, the criteria for becoming Estonian, on the one hand, reflect a conservative attitude. For the majority of Estonian students, the aspects of **language, national culture** and **birth** are crucial. As one interviewee explains

JÄ IKKAGI VÄGA PALJU SEOTUD IKKA EESTI KEELEGA KA, SELLE/SELLE KULTUURIRUUMIGA KUS ME (OLEME ELANUD). MINU SILMIS ON IKKAGI EESTLANE SEE KES RÄÄGIB EMAKEELENA EESTI KEELT. (IM5)

Another interviewee, acknowledging its importance, regards **language** as a carrier of culture: “ma arvan et see keel/keel on niisugune oluline tunnus ja/ja/ja mis/mis kannab mingit (X) kultuuri eripära (sest et), mingisugused mõttemalid ikkagi peegelduvad selles (ühiskonna) keeles” (IM2).

The aspect of **birth** is also present in many answers, however it is not as decisive. For example, at first, IF8 points out

that to become Estonian, one has to be born Estonian: “no, ma olen ikka konservatiivne, ma kardan et ikkagi tuleb sündida vist”. After a pause however, the student continues: “See on nagu, selles keeruline küsimus. Et ma võin öelda mis minu arvamus on. Ma olen nagu seda meelt, et inimene on ikkagi see kellena ta ennast identifitseerib”, highlighting the subjectivity of his opinion and presence of the aspect of **wish**.

On the other hand, some students draw attention to the aspects of **wish** and **residence** in the first place: “kusagil peaks olema selline baasteadmine kas inimene ise identifitseerib ennast eestlasena ja kas ta tahab seda teha” (IM1). This however, does not mean that the aspects of **national culture** and **language** are unimportant, but that they are considered as a natural progression of someone’s wish to become Estonian. In other words, people who have settled in Estonia and want to call themselves Estonians are also ready to learn Estonian and communicate in this culture: “(on oluline) et sa tahad olla eestlane ja siin elada umbes nii nagu siin see valdav kultuuriline taust on” (IM2). Even though, the aspects of **language** and **national culture** still play an important role, they are not accentuated. Moreover, in some interviews the aspect of **birth** is completely left out.

The above-mentioned examples are a concise overview of two important questions addressed in the on-going research. While many students’ answers reflect the widely accepted images of the countries, several also express differing views. Certain differences in the opinions of the Canadian students suggest that, on an individual level, there is no complete clarity on what national groups in an inclusive Canadian society ‘Canadian’ refers to. In a similar way, many refe-

rences to a distinct national character by the Estonian students make 'Estonian' seem less inclusive.

This research does not offer conclusive answers, however, when finished, it can serve as a possible indicator of where the

Estonian and Canadian societies stand today and, taking into account the changing socio-political situation in the world, where to move forward to. Moreover, the findings of the research are important because they constitute a part of the overall discourse on national identity

where different groups of persons by means of "simultaneous and sequential interrelated linguistic acts" or discourses that manifest themselves as oral or written texts, influence each other and hence the understanding of one's national identity (Reisigl & Wodak 2001: 36).

REFERENCES

De Cillia et al. 2009 — De Cillia, Rudolf; Liebhart, Katrin; Reisigl, Martin; Wodak, Ruth (2009). *Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Reisigl & Wodak 2001 — Reisigl, Martin; Wodak, Ruth (2001). *Discourse and Discrimination*. London: Routledge.

Porter 2015 — Porter, John (2015). *The Vertical Mosaic: An Analysis of Social Class and Power in Canada*. Toronto: University of Toronto Press.

Oma juurte austamine annab aluse teiste kultuuride mõistmiseks ja austamiseks

MARIANNA MAKAROVA

EESTI KULTUURILINE MITMEKESISUS

Eesti on kultuuriliselt mitmekesine riik: viimase rahvaloenduse andmetel elab Eestis üle 180 erineva rahvuse esindajaid, 2017. aasta seisuga on rahvusvähemustest suurimad rühmad venelased (25% elanikkonnast), ukrainlased (5% elanikkonnast), valgevenelased (0,9%), soomlased (0,6%), lätlased (0,17%), juudid (0,15%) ja tatarlased (0,15%). Eestis räägitakse emakeelena 109 keelt: Eesti elanikkonnast 67% jaoks on emakeeleks eesti keel, 30% jaoks vene keel ning vaid 3% räägib emakeelena ülejäänud 107 keelt (Statistikaamet 2001).

Varasematest uuringutest on ilmnunud rahvusvähemuste arvamus, et nende rahvuskeeled kaovad Eestis juba lähitulevikus, põhjuseks nõrk etniline identiteet ja asjaolu, et lastega ei räägita nende etnilist emakeelt (Džaparidze, Kolga 1999). Seda kinnitavad ka mitmed teised uuringud, millest selgus, et

kui hoiakud pärandkeele suhtes on ühiskonnas negatiivsed ning kui on vähe võimalusi selle keele kasutamiseks, kaob emakeel juba kolmandas Eestis sündinud põlvkonnas (Küün 2010) ning lapsed suure tõenäosusega omandavad "eesti-vene" identiteedi (Fein 2005). Rahvusvähemuste kultuuride ja keelte paljusus on oluline osa Eesti kultuurilisest mitmekesisusest, seega on oluline mõista, kuidas seda hoida.

RAHVUSVÄHEMUSTE ETNILISE IDENTITEEDI ROLL LÕIMUMISES

Rahvusvähemuste etnilise identiteedi olulisust ühiskonna stabiilsuse ja lõimituse tagamiseks on kinnitanud mitmed Eestis ja rahvusvaheliselt läbi viidud uuringud. Akulturatsiooniteooria (Berry 2003) integratsiooni hüpoteesi kohaselt on rahvusvähemuste positiivse enesetunde ja hea ühiskonnas toimetuleku tagamiseks tähtis, et nad mitte ainult omandaksid

ühiskonnas domineeriva kultuuri, vaid ka väärtustaksid ja hoiaksid oma päritolu kultuuri. See hüpotees on leidnud kinnitust ka Eestis (Vetik jt 2017). Kui selline tasakaalustatud kaks-kultuurilisus ei ole tagatud — võib järgneda kas rahvusvähemuste assimileerumine, kui domineerima jääb enamusrühma kultuur, või separeerumine, kui eri rahvusrühmad puutuvad omavahel kokku minimaalselt ega tunne huvi teineteise kultuuri vastu. Kumbki nimetatud stsenaariumitest ei soodusta ühiskonna lõimitust. Olukorra teeb veelgi keerulisemaks see, et nii assimilatīvse kui separatiivse surve tajumine võib kujundada rahvusvähemustes reaktiivse identiteedi (Nimmerfeldt 2006), mis väljendub rahvusvähemuste väiksemas kuulumis- tundes ja võõrandumises, nõrgendades nende riigiidentiteeti (Pilvisto 2013) ning lõhestades veelgi ühiskonda.

Vastupidi, tugev rahvusvähemuste identiteet riigi toe ning ühiskonna avatuse ja kaasamise tingimustes loob eeldused ka tugevama riigiidentiteedi tekkimiseks, >>

» millega kaasneb suurem kuuluvustunne ja lojaalsus riigile (Vetik 2015).

Akultuuratsiooniteooria kohaselt on ühiskonna lõimumise toetamiseks oluline, et kultuuriline mitmekesisus oleks ühiskonnas väärtustatud ja edendatud, samuti et eri kultuurigruppide esindajate vahel oleks positiivsed kontaktid.

UURING JA SELLE EESMÄRGID

Aastatel 2016–2017 korraldas Integratsiooni Sihtasutus uuringu „Eesti rahvusvähemuste rahvuskultuuri alastes tegevustes osalemise mõju nende etnilisele identiteedile“, mille fookuses on Eestis elavate rahvusvähemuste kultuuride hoidmisele ja edendamisele suunatud tegevused ning nendes tegevustes osalemise võimalik mõju. Uuringusse olid kaasatud eelkõige rahvuskultuuri tegevustes osalenud inimesed, kuid ka need, kes tunnevad aktiivselt huvi rahvusvähemuste kultuuri ja rahvuskultuuri vastu. Uuringu raames koguti internetipõhise ankeedi abil 298 inimese arvamused, lisaks toimus rahvusvähemuste kultuuriseltside eestvedajatega koos põhjalikku fookusrühma arutelu: kaks arutelu oli Tallinnas, kaks Ida-Virumaal, üks Tartus ja üks Pärnus.

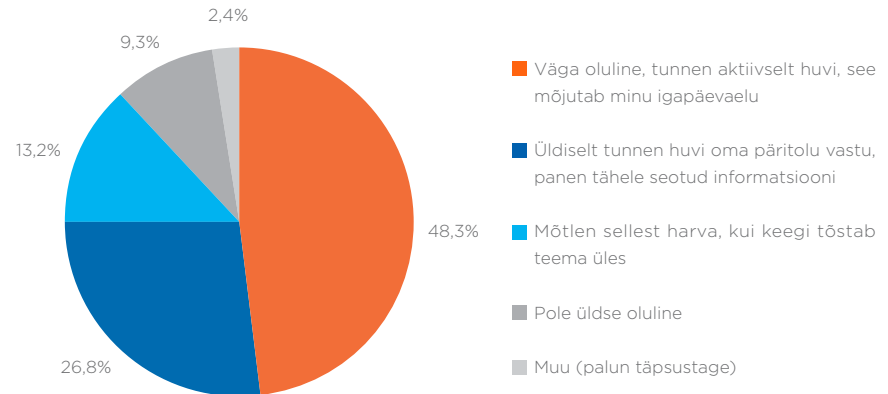
Projekti üheks eesmärgiks oli saada ülevaade rahvusvähemuste kultuuriga seotud tegevuste võimalikust mõjust nendes tegevustes osalevate inimeste hoiakutele, etnilisele ja riigidentiteedile. Teine oluline eesmärk oli saada tagasisidet tänapäeval Eestis kehtiva rahvusvähemuste kultuuri toetamise süsteemi efektiivsuse kohta ja sellekohaseid parendusettepanekuid.

RAHVUSVÄHEMUSTE KULTUURISELTSIDE LIIKMED JA EESTVEDAJAD

Rahvusvähemuste kultuuriorganisatsioonide eestvedajad ja aktiivsed liikmed on üldjuhul ka ise peamised rahvusvähemuste kultuuri ja traditsioonide kandjad, kes aktiivselt töötavad selle nimel, et edendada oma kultuuri laiemalt kui ainult oma perekonna või lähikondlaste seas. On iseloomulik, et suurem osa rahvusvähemuste kultuuriorganisatsioonide aktiivliikmeid ja eestvedajaid on naissoost (70%), kõrgharidusega (75%) ja on tööturul aktiivsed (73,7% respondentidest — sealhulgas nii palgatöötajad kui ettevõtjad, FIE-d ja töötavad pensionärid), 18,9% on pensionil ning vaid 8,1% on üliõpilased.

Üheks tähelepanuväärseks uuringu tulemuseks on tõdemus, et suur osa rahvusvähemuste kultuuriseltside eestvedajaid on vanema põlvkonna esindajad (uuringus osalenud rahvuskultuuriseltside liid-

KUI OLULINE ON TEIE JAOKS TEIE ETNILINE KUULUVUS?

JOONIS 1. ETNILISE KUULUVUSE OLULISUS

rite keskmine vanus on 56,8 aastat). Varemased küsitlused on näidanud, et paljude organisatsioonide jaoks on oluliseks väljakutseks noorte liikmete kaasamine organisatsiooni tegevusse. Selline olukord on murettekitav, sest kui lähiajal ei leita toimivat lahendust noorte aktiivsemaks kaasamiseks rahvuskultuuriga seotud tegevustesse, võib koos tugevate eestvedajate lahkumisega kaduda ka äärmiselt väärtuslik kompetents ja rahvusvähemuste kultuuripagas, mis tänapäeval rikastab Eesti kultuuriruumi.

ETNILISE IDENTITEEDI TÄHTSUS RAHVUSVÄHEMUSTELE

Etniline kuuluvus on uuringus osalejate jaoks väga oluline — kolm neljandikku vastajatest tunneb selle vastu vähemalt üldist huvi ja poolte jaoks on see väga oluline (joonis 1). Etniline identiteet on rahvusrühmades tugev ja ka rühmade vahel võrdlemisi sarnane, välja arvatud mitmekultuuriline rühm (kes märkisid oma päritolukultuurina rohkem kui ühe kultuuri), kus see on võrdlemisi nõrk. See võib olla seletatav asjaoluga, et kui ei ole ühte konkreetset domineerivat etnilist rühma, millega end seostatakse — vähe- neb ka etnilise identiteedi tähtsus inimese enesemääratluse jaoks, mis mõjutab ka identiteedi tugevust.

Uuringu tulemused näitavad, et 78,2% respondentidest on positiivne etniline identiteet — mis tähendab nende respondentide osakaalu, kes tugevalt nõustuvad või pigem nõustuvad positiivsete väidetega nende etnilise kuuluvuse kohta. Uuringus osalejad on hinnanud, kui hästi nad oskavad oma emakeelt (arvesse oli võetud vaid nende vastused, kelle emakeel ei ole eesti ega vene keel, mida õpitakse üldhariduskooli põhiprogrammi raames). Tulemused näitavad, et 70,7% respondentidest oskab oma emakeelt vähemalt B1-tasemel.

RAHVUSVÄHEMUSTE KULTUURIORGANISATSIOONIDE TEGEVUSES OSALEMISE MÕJU

Uuringu tulemused näitavad, et rahvusvähemuste kultuuriseltside töös osalemisel on olulised seosed paljude ühiskonna lõimituse seisukohalt tähtsate parameetritega:

- 88,4% respondentidest arvab, et selle tegevuse tulemusena on **suurenenud nende huvi oma päritolukultuuri** ja etniliste juurte vastu.

- 89% respondentide hinnangu põhjal on rahvusvähemuste kultuuriga seotud tegevustes osalemine suurendanud nende **huvi eesti kultuuri ja kõigi Eestis elavate rahvaste kultuuri vastu**, mis soodustab kultuurilist lõimumist.

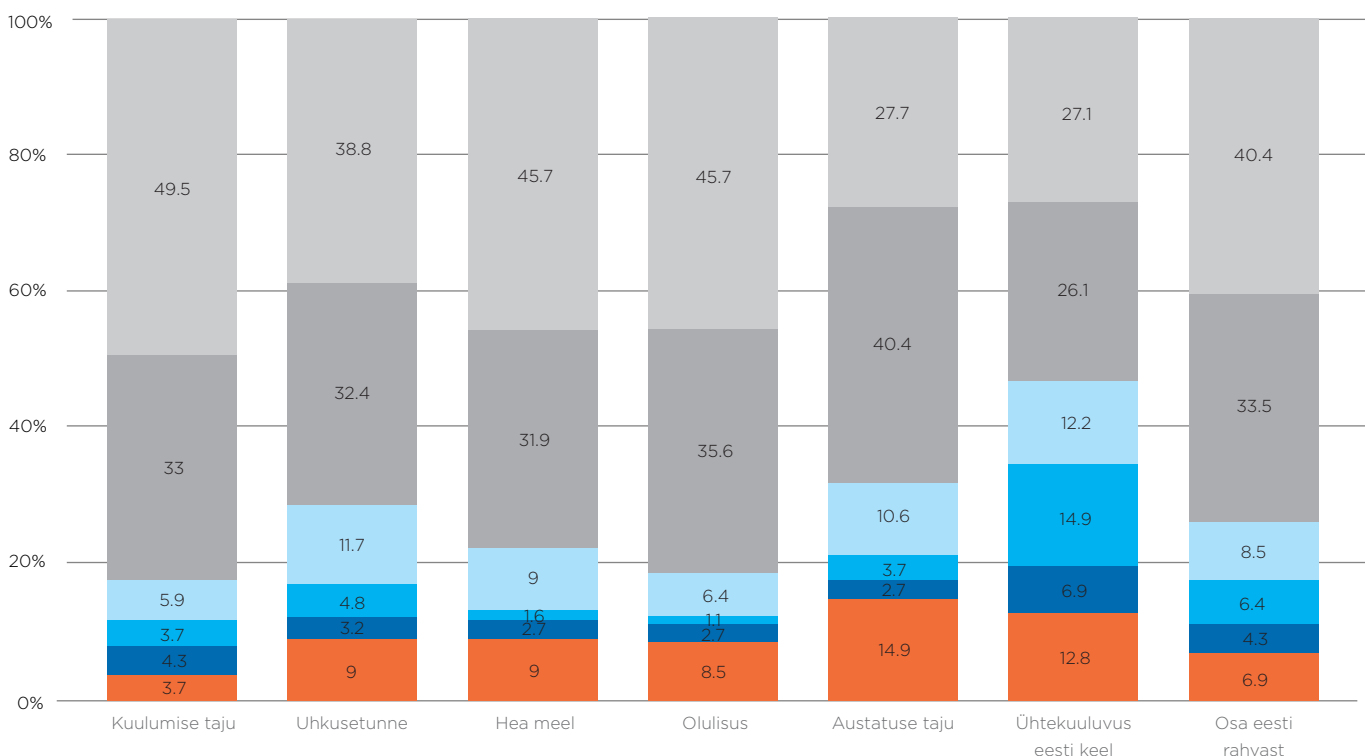
- 88% vastajatest arvas, et rahvusvähemuste kultuuriga seotud tegevustes osalemine on **suurendanud nende tutvusringkonda**, kellega suheldakse regulaarselt, mis soodustab sotsiaalset lõimumist.

- Suurenenud on vastanute **huvi jälgida Eestis ja oma elukoha kultuurielus toimuvat** (88%), mis soodustab osalusaktiivsust ja tugevamat Eesti informuums osalemist.

- Rahvusvähemuste kultuuriga seotud tegevustes osalejad tunnevad oluliselt vähem, et nende kultuur ja keel on ohustatud, ning nad tajuvad vähem assimilatsioonisurvet võrreldes referentsrühmaga; samuti nad usuvad rohkem, et Eestis on ruumi erinevatele kultuuridele. See kinnitab veel kord rahvusvähemuste kultuuriga seotud tegevuse positiivset mõju ühiskonna kultuurilisele lõimumisele.

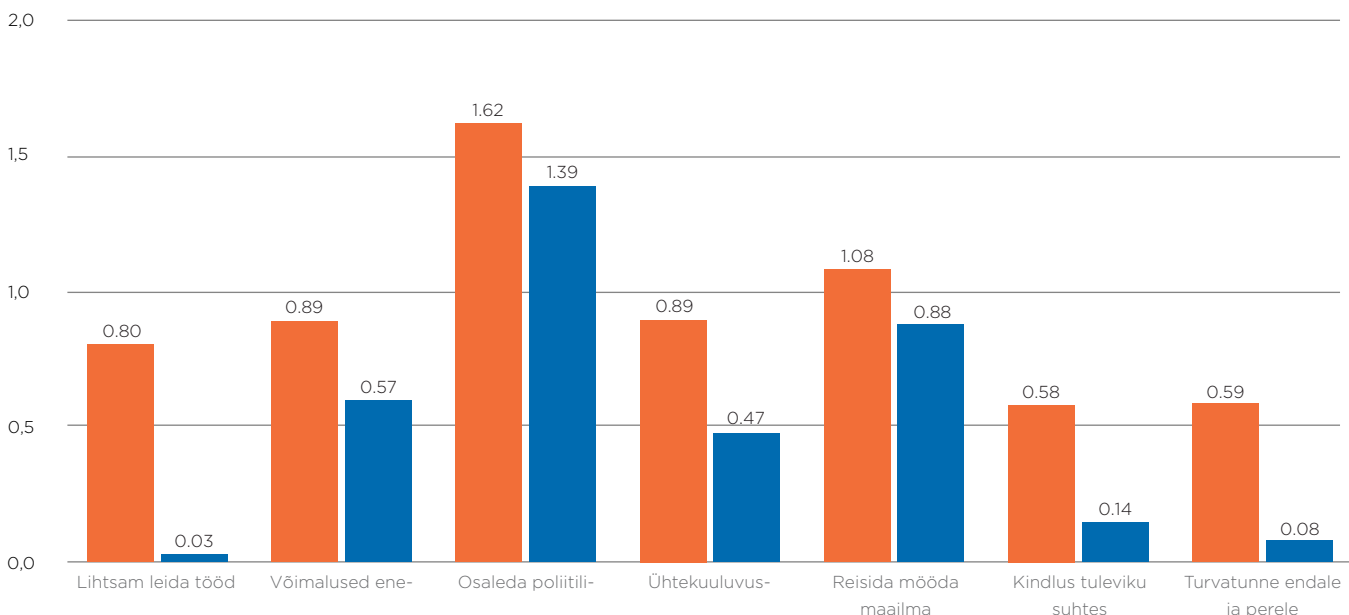
- **Tugev riigidentiteet** — 82,5% respondentidest on tugev Eesti ühiskonda kuu- »

¹ Siin ja edaspidi on referentsrühmana kasutatud Integratsiooni Sihtasutuse tellimisel korraldatud tasuta eesti keele õppes osalejad. Võrdlusvalim on kodakondsuse, soo, vanuse ja geograafilise paigutuse seisukohalt võrreldav käesoleva uuringu valimiga.

- Ma tunnen, et kuulun Eesti ühiskonda
- Eesti ühiskonda kuulumine tekitab minus uhkustunnet
- Mul on hea meel, et kuulun Eesti ühiskonda
- Minu jaoks on oluline kuuluda Eesti ühiskonda
- Eestis elavaid inimesi üldiselt austatakse
- Tunnen ühtekuuluvust inimestega, kes räägivad eesti keelt
- Ma tunnen, et olen osa Eesti rahvast

JOONIS 2. Eesti ühiskonda kuulumise tajus ja seotud tunded

- Eesti kodakondsusega on lihtsam Eestis tööd leida
- Eesti kodanikuna on suuremad võimalused eneseteostuseks ja toimetulekuks maailmas, Euroopa Liidus ja Eestis
- Eesti kodakondsus annab võimaluse käia valimas ja osaleda Eesti poliitilises ja ühiskondlikus elus
- Eesti kodakondsus annab ühtekuuluvustunde Eestiga
- Eesti kodakondsus võimaldab lihtsamini reisida mööda maailma
- Eesti kodanikuks olemine annab mulle kindluse minu tuleviku suhtes
- Eesti kodanikuks olemine annab turvatunde minule ja minu perele

JOONIS 3. Eesti kodakondsuse tähendus, võrdlus kontrollrühmaga (tasuta keeleõppes osalejad)

MÄRKUS: Vastused on antud viiepunktilisel nõustumisskaalal, kus -2 = "ei nõustu üldse", -1 = "pigem ei nõustu", 0 = "raske otsustada", 1 = "pigem nõustun" ja 2 = "nõustun täiesti".

» lumise tunne (joonis 2); võrreldes referentsrühmaga on ka positiivsemad nende hoiakud seoses Eesti kodakondsusega, selle mõjuga tööturu võimalustele, kindlustundele tuleviku suhtes (joonis 3).

- Võrreldes referentsrühmaga on respondentidel oluliselt **suurem ühiskondlik ja poliitiline osalusaktiivsus** — osalemine valimistel, avalikud sõnavõtted meedias või avalikes aruteludes.

Need tulemused toetavad järjekordselt akulturatsiooniteooria (Berry 2003) integratsiooni hüpoteesi paikapidavust Eesti kontekstis, mille kohaselt on ühiskonnas lõimumise toetamise seisukohalt oluline, et rahvusvähemused omandaksid nii ühiskonnas domineeriva kultuuri kui ka väärtustaksid ja hoiaksid oma päritolu kultuuri. Teisalt näitavad selle uuringu tulemused rahvusvähemuste kultuuri toetamisele suunatud tegevuste tähtsust Eesti ühiskonna lõimituse soodustajana ja toovad esile nende potentsiaali veel laiemaks mõjuks kogu Eesti ühiskonnale.

MIS MOTIVEERIB PÜHENDAMA AEGA, ET TEGELEDA RAHVUSVÄHEMUSTE KULTUURIGA?

Rahvuskultuuriseltside töö motiividena on uuringus osalejad eelkõige välja toonud huvi enda juurte ja kultuuri vastu, järgnevad valmisolek tundma õppida teiste rahvaste kultuure. Oma päritolukultuuri tundmist tajutakse kui olulist eeltingimust, et olla tundlik ka teiste kultuuride, sh eesti kultuuri suhtes — see on kui sild teiste kultuuride avastamiseks ja nende austama õppimiseks. Lisaks on rahvusvähemuse kultuuriga tegelemiseks olulised järgnevad motiivid:

- rahvuskultuuri nähakse **positiivse alternatiivina poliitikale** oma päritoluriigi suhtes kuvandi loomisel. See muutub seda aktuaalsemaks, mida negatiivsem on selle riigi kuvand või informatsioon selle riigi, selle poliitilise olukorra või majandusliku seisuga kohta;
- **eri põlvkondade esindajate** jaoks on rahvuskultuuridega seotud tegevustel erinev roll ja tähendus, mis võib kohati selgitada vanemast põlvkonnast pärit rahvusvähemuste kultuuriseltside eraldatust noorte tegevusest ja näitab selgelt, et põlvkondadevahelise lõhe ületamine vajab eraldi tähelepanu;
- **rahvusvähemuse keelt** nähakse kui peamist kultuuri kandjat — „oma kultuuri saab omandada vaid selle kultuuri keeles“, keele õpetamine ja hoidmine on organisatsioonide jaoks prioriteetne;
- rahvuskultuuriga seotud tegevustes osalemise motiivideks on huvi oma kultuuri vastu, sotsiaalne võrgustik, tunnustus (ka riigi poolt), eneseavastamine ja

XIV VÄHEMUSRAHVUSTE KULTUURIFESTIVAL „RAHVUSKULTUURIDE LOOMEPAIDA“ (24. september 2017. a.)

loominguline realiseerimine, aga ka ohkuse oma päritolukultuuri üle ja soov luua sellest positiivne kuvand Eestis, nagu ka võimalus säilitada tugevat sidet oma päritolu ja juurtega.

MIS VAJAB MUUTMIST JA EDASIARENDAAMIST?

Uuringu tulemused näitavad ka arendamist või tähelepanu vajavaid valdkondi, millest sõltub rahvusvähemuste kultuuri hoidmine ja jätkusuutlik areng, ning probleeme, mille lahendamise vajalikkust rahvusvähemuste kultuuriorganisatsioonid teravalt tunnetavad.

1. **Noorte aktiivsem kaasamine** rahvuskultuuridega seotud tegevusse on kindlasti oluline prioriteet, mida veelgi kinnitab tänapäevaste rahvusvähemuste kultuuriseltside aktiivliikmete ja liidrite kõrge vanus — organisatsioonide liidrite puhul keskmine vanus on 56,8 aastat, vaid 1% on vanuses alla 30 aastat. Pikemas perspektiivis võib see ohustada organisatsioonide jätkusuutlikkust ja kestlikkust. Varasemad toetusmeetmed, mille eesmärgiks oli tõsta organisatsioonide võimekust kaasata nende tegevusse noori liikmeid, on kandnud vilja vaid osaliselt, paljude organisatsioonide puhul on väljakujunenud rutiinide muutmine osutunud väga raskeks. Sellest tuleneb vajadus läheneda noorte kaasamisele rahvuskultuuridega seotud tegevusse teistsiti — näiteks noorteorganisatsioonide ja noorsootöö korralduse kaudu, et ergutada nende huvi rahvusvähemuste kultuuri vastu. Selleks on oluline koostöö Haridus- ja Teadusministeeriumi ning noorsootöö valdkonna võtmeorganisatsioonidega, ka üldhariduskoolidega.

2. Rahvusvähemuste kultuuride esindajad tunnevad vajadust tugevama **kultuurilise mitmekesisuse sümboolse väärtustamise** järele Eesti riigis ja soovivad saada tuge suurema esindatuse saavutamiseks Eesti avalikkuse ees. Rahvusvähemuste kultuuriseltsidel ja nende korraldatud üritustel on iseseisvalt väga keeruline saa-

vutada uudisväärtuslikkust peavoolumeedias, mistõttu jääb nende tegevus sageli avalikkuse tähelepanuta ja ei ole piisavalt nähtav. See omakorda raskendab rahvusvähemuste täie potentsiaali realiseerimist Eesti ühiskonna lõimituse soodustamiseks. Oodatud on riigipoolne tugi positiivse avaliku diskursuse arendamiseks rahvusvähemuste kultuuri rollist ja väärtusest Eesti ühiskonnas. Lisaks ootavad rahvusvähemuste kultuuriorganisatsioonid, et riik **korrastaks** rahvusvähemusi puudutava **seadusandliku baasi**.

3. Endiselt on aktuaalne saavutada tugevam **koostöö eestikeelsete kodanikuühendustega**, et vähendada rahvuskultuuriseltside eraldatust, tugevades seejuures ka nende jätkusuutlikkust. Samuti on oluline tagada laiem koostöö väljaspool rahvuskultuuri tegutsevate kodanikuühendustega sõltumata nende suhtluskeeltest.

4. Eesti rahvusvähemuste kultuuri edendamise ja elujõulisuse seisukohalt on aktuaalne leida õige tasakaal **rahvusvähemuste kultuuri traditsiooniliste esitlusvormide või kaasaegsema käsitluse vahel**. Küsimus seisneb selles, kas on prioriteetsem hoida rahvuskultuuri muutmatul kujul — või toetada kultuurilise mitmekesisuse esindatust kaasaegses Eesti kultuuris — nii popkui kõrgkultuuris. Noorema põlvkonna kaasamine konservatiivse rahvuskultuuriga seotud tegevustesse on aina keerulisem, samuti jääb kultuurilise mitmekesisuse potentsiaal rikastada kaasaja Eesti kultuurielu suuresti kasutamata.

5. Kõige rohkem rahvusvähemuste kultuuriorganisatsioonide eestvedajate arendusettepanekuid on seotud rahvusvähemuste kultuuri ja **keele õppimise võimaldamisega haridussüsteemi eri tasanditel**, alates **üldharidusest** kuni **kõrghariduseni**. Mitme soovitud tegevuse jaoks on Eestis juba loodud vajalik seadusandlik raamistik, kuid nende võimaluste realiseerimine sõltub oluliselt rahvusvähemuste ettevõtmisest (nt rahvusvähe-

muste keele ja kultuuri õppe võimaldamine rahvusvähemusest põhikooli õpilastele). Rahvusvähemusi võiks nendest võimalustest sihipäraselt informeerida või vajadusel pakkuda konsulteerivat tuge tegevuste algetapil, kuni saadakse positiivne kogemus ja osatakse neid võimalusi kasutada täiel määral.

6. Riigipoolse rahvusvähemuste kultuuritegevuse toetamise puhul peetakse väga oluliseks **nii rahalist toetust kui riigi tunnustust ja tähelepanu**, mis on olulisteks rahvusvähemuste kultuuritegevusse panustamise motiivideks. Rahaliste toetusmeetmete puhul nähakse vajadust eristada rahvusvähemuste professionaalne kultuuritegevus harrastustegevusest, luues eri kvaliteeditasemega kultuuriloomete toetusmeetmeid.

KULTUURILISE MITMEKESISUSE TOETAMINE EESTIS

Kultuuriministeerium ning Haridus- ja Teadusministeerium toetavad Integratsiooni Sihtasutuse kaudu rahvusvähemuse kultuuri püsivust ning edendamist Eestis mitme programmi kaasabil. Programmide eesmärgiks on eelkõige toetada rahvusvähemuste kultuuri, keele ja traditsioonide tundmist nendest kultuuridest pärit Eesti elanike poolt, samas oluline on ka rahvusvähemuste kultuuri tutvustamine Eestis laiemalt. Programmide seas on:

- rahvusvähemuste kultuuriseltside baasfinantseerimine, mis eraldatakse kolmeaastaseks perioodiks kultuuriseltside

katusorganisatsioonide kaudu ning mille eesmärgiks on võimaldada pikemaajalist tegevuste strateegilist planeerimist, vajadusel toetada eelkõige organisatsioonide püsikulude katmist;

- temaatilised konkursid ja toetusprogrammid, mille abil toetatakse konkreetsetele alateemadele ja eesmärkide saavutamiseks suunatud tegevusi;

- rahvusvähemuste pühapäevakoolide toetusprogramm, mis on suunatud nooremale põlvkonnale. Toetatakse pühapäevakoolide tegevust ning pakutakse tuge ja täiendõpet ka nende koolide õpetajatele;

- aastapreemiad, mille abil tunnustatakse lõimumisvaldkonna ja kultuurilise mitmekesisuse edendamisesse olulise panuse andnud organisatsioone või isikuid.

Rahvusvähemuste kultuuriseltside tegevus on suures osas suunatud kahe ülesande täitmisele – ühelt poolt kindlustada, et rahvusvähemuste kultuur jääks Eestis püsima, ning teiselt poolt toetada rahvusvähemuste huvi oma kultuuri, keele, tavade ja traditsioonide vastu. Rahvusvähemuste tegevus pakub võimalust puutuda rahvusvähemuste kultuuriga kokku ka kõigil teistest kultuuridest pärit Eesti elanikel.

Lisaks nimetatud rahvusvähemuste kultuuriseltside tegevustele ja pühapäevakoolidele on rahvusvähemuste keelt ja kultuurilugu võimalik õppida ka põhikoolis. Vastavalt põhikooli- ja gümnaasiumiseaduse § 21 lõige 5 sätestatule on põhiharidust omandavatel õpilastel, kelle

emakeel ei ole õppekeel või kes kodus suhtluses räägivad õppekeelest erinevat keelt, mis on vähemalt ühe vanema emakeel, võimalus taotleda, et kool korraldaks keele- ja kultuuriõpet, kui seda soovivad vähemalt kümme sama emakeele või koduse suhtluskeelega õpilast. See kehtib selliste keelte puhul, mida koolis juba ei õpetata A- või B-keelena.

KOKKUVÕTE

Käesoleva uuringu tulemused annavad põhjaliku ülevaate rahvusvähemuste kultuuriorganisatsioonide tegevuse tähtsusest ja Eesti ühiskonnas lõimumist soodustavast mõjust. Samas toob uuring esile ka väljakutsed, mis võivad oluliselt mõjutada rahvusvähemuste kultuuriga tegelevate organisatsioonide pikaajalist jätkusuutlikkust, pakkudes välja ka mitmeid lahendusi või konkreetseid arengusuundi. Lisaks annab uuringu kvalitatiivosa ülevaate rahvusvähemuste kultuuriseltside liidrite hinnangutest ja tagasisidest kehitivale toetussüsteemile, tuues esile selle tugevused ja arenguvõimalused.

Uuringu tulemused kinnitavad rahvusvähemuste kultuuri toetamise olulisust Eesti ühiskonna lõimumise soodustamiseks, näidates selles osalemise tugevat seost ühiskonna ühtsust ja tugevat riigiidentiteeti toetavate hoiakutega, ühiskonnas osalemise ja kaasatusega. Rahvusvähemuste kultuur on Eesti jaoks oluliseks ressursiks, millel on potentsiaali soodustada rahvusvähemuste kuulumist Eesti ühiskonda ja nende tugevat seost Eesti riigiga, rikastades seejuures Eesti ühiskondlikku ja kultuurilist elu.

VIIDATUD ALLIKAD

Berry 2003 — Berry, J. W. (2003). How shall we all live together? *Multicultural Estonia*. M. Luik (Ed.). Tallinn: Estonian Integration Foundation, 3-11.

Džaparidze, Kolga 1999 — Džaparidze, L., Kolga, M. (1999). Grusiinid. *Eesti rahvaste raamat. Rahvusvähemused, -rühmad ja -küllud*. Toim. Viikberg, J. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 171-173.

Fein 2005 — Fein, L. C. (2005). Symbolic Boundaries and National Borders: The Construction of an Estonian Russian Identity. *Nationalities Papers*, 33(3). United Kingdom: Routledge, 333-344. DOI: 10.1080/00905990500193196.

Küün 2010 — Küün, E. (2010). Vähemuskeelte elujõulisus ja arengusuundumused Eesti venekeelsetes keelekeskkondades. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat*, 6. Tallinn: Eesti Rakenduslingvistika Ühing, 135-155.

Nimmerfeldt 2006 — Nimmerfeldt, G. (2006). Identiteet ja vähemuste sotsiaalne kohanemine: Teoreetiline raamistik reaktiivse identiteedi käsitluse operatsionaliseerimiseks. Eestis sündinud noorte venelaste identiteedi kvalitatiivne uuring. Magistritöö. Tallinna Ülikooli Riigiteaduste Instituut.

Pilvisto 2013 — Pilvisto, H. (2013). Vähemusgrupi poolt tajutud enamusgrupi akulturatsioonihoiakute mõju etnilisele ja riiklikule identiteedile. Magistritöö. Tartu Ülikooli psühholoogia osakond.

Vetik 2015 — Vetik, R. (2015). Riigiidentiteedi kaks sammast. *Riigikogu toimetised*, 32. Tallinn: Riigikogu Kantselei, 23-38. URL: https://rito.riigikogu.ee/wordpress/wp-content/uploads/2015/12/RiTo_32_tervik-ilma-t%C3%B5lkeartikli.pdf

Vetik jt 2017 — Vetik, R.; Raudsepp, M.; Krusvall, J.; Kus-Harbord, L.; Makarova, M. & Valk, A. (2017). Intercultural relations in Estonia. *Mutual Intercultural Relations*. Berry, J. W. (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 147-170.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

ОЛЬГА БУРДАКОВА, ЕЛЕНА НЫММ

Национально-культурная идентичность — это результат осознания человеком своей связи с культурой определенной этнической группы. Сегодня в многонациональных европейских государствах, составляющих часть современного глобального мира, сталкиваются идеологии мультикультурализма и национализма, что порождает общественные и политические дискуссии и приводит к противостоянию в обществе разных сил. Сохранение национальной культуры признается важной задачей сторонниками обеих полярных идеологий. Поддержка культурного разнообразия общества, толерантность к межкультурным различиям является приоритетом только для тех, кто разделяет идеи мультикультурализма. Обсуждение вопросов национально-культурной идентичности, таким образом, оказывается актуальным в этой идеологической и политической борьбе и обнажает опасения оппонентов по поводу будущего развития общества. Понимая это, мы хотели бы отойти от политического дискурса и вывести обсуждение вопросов, связанных с национально-культурной идентичностью, в русло научной дискуссии. Для этого мы обратились за помощью к ведущим экспертам разных стран и попросили их прокомментировать вопросы, связанные со страхами перед утратой национально-культурной идентичности, возникновением конфликта идентичностей у будущих поколений.

В нашем эстонском обществе вопросы о связи национально-культурной идентичности и языка обучения относятся к числу наиболее острых. Эти вопросы оказываются актуальными как для представителей этнического большинства, так и для представителей этнических меньшинств. Неслучайно во время республиканских и муниципальных выборов национальный вопрос поднимается с завидной регулярностью. Жаркие дискуссии в прессе обнажают

существующие страхи за сохранение своего родного языка, своей культуры, своей общности. Мы можем понять причины появления этих страхов. Они связаны в первую очередь с обеспокоенностью за судьбу молодого поколения. Язык, на котором молодежь получает образование, воспринимается многими как решающий фактор в процессе становления личности и ее культурного самоопределения. Сторонники моноязычного обучения уверены в том, что образование, полученное на родном языке, даст укорененность в родной культуре и сформирует позитивную, непротиворечивую национально-культурную идентичность. Результаты многоязычного образования в таком случае ставятся под сомнение, возникает вопрос: не приведет ли оно к тому, что человек не будет чувствовать свою сопричастность ни одной, ни другой культуре, потеряет себя в процессе культурного самоопределения — станет маргиналом? Такое маргинальное положение личности, по мнению признанного канадского эксперта в области интеграции Джона Берри, является результатом кризиса идентичности, переживания культурных потерь.

Современный человек живет в глобальном мире. Открытость государственных границ стран Европейского союза, вхождение в Европейскую экономическую зону дают нам свободу передвижения в поисках места учебы и работы, сближают национальные культуры. Мы работаем и учимся в многоязычных и поликультурных коллективах. Возможно, в таких условиях вопрос о национально-культурном самоопределении вообще утрачивает свою актуальность? Многие люди сегодня, как известно, отказываются от этнического самоопределения в пользу наднациональных категорий — «европеец», «космополит». Что это? Результат кризиса идентичности и свидетельство размывания национально-культурной идентичности? Или результат личностного

роста человека — формирование мультикультурной личности, интегрировавшей в себе разные культуры и способной быть посредником между культурами? Известный американский исследователь межкультурной коммуникации Милтон Беннетт определяет эту наивысшую стадию личностного роста как «конструктивную маргинальность» — трудно достижимый идеал в развитии так называемой «межкультурной чуткости».

В странах Европейского союза у представителей групп этнических меньшинств их национально-культурное самоопределение может оказаться в конфликте с гражданской идентичностью. Как пишет Джон Берри, выбирая стратегию сепарации, этнические и языковые меньшинства сосредотачиваются на задачах сохранения и поддержания родной культуры, отказываются от контактов с представителями культуры большинства, проявляют нетерпимость к последней и нелояльность государству, которое воспринимается как институт доминирующей в обществе культуры. В этой ситуации возникает опасение, что стабильность и поступательность развития общества окажется под угрозой, поскольку отношения между этническими группами будут далеки от гармоничных. Мы попросили экспертов в области интеграции рассказать, как можно избежать описанного выше «черного» сценария и на государственном уровне обеспечить позитивную совместимость национально-культурной и гражданской идентичности у представителей диаспоры.

Шестеро ученых-экспертов из Эстонии, Финляндии и России на страницах нашего форума дают развернутые ответы на один или несколько следующих вопросов, сформулированных редколлегией журнала «Многоязычное образование».

1. Не приведет ли процесс глобализации к размыванию идентичности, кризису идентичности и гибридизации культур?
2. Не приведет ли раннее обучение на неродном языке к этнокультурной маргинализации?
3. Как соотносятся понятия «национально-культурная идентичность» и «гражданская идентичность»? Как на государственном уровне обеспечить позитивную совместимость национально-культурной и гражданской идентичности в диаспоре?

EKSPERDID VASTAVAD

FOTO ERAKOGUST
TRIIN VIHALEMM

Triin Vihalem on kommunikatsiooniuuringute professor Tartu Ülikooli ühiskonnateaduste instituudis. Kommunikatsioonisotsioloogina ühendab ta oma töödes meedia ja kommunikatsiooniuuringud sotsioloogiliste käsitlustega. Tema uurimishuvi on kommunikatsiooni roll ühiskonnamuutuste vahendajana. See on teda viinud mitmekesiste valdkondade uurimisele ühiskonnas, alates siirdekultuurist ja rahvussuhetest ning lõpetades kriisikommunikatsiooni ja sotsiaalkampaaniatega ehk ta ei uuri meediat ja kommunikatsiooni kui asja iseeneses. Tema uurimisobjektid on tähenduste roll igapäevastes harjumustes, kommunikatsiooni roll kestlikes harjumuste muutumises, meediakasutuspraktikad tavalistes ja erakordsetes olukordades, kommunikatsioon kiirenduste ja aeglustuse vahendajana, unustamine ja aktualiseerimine kollektiivses mälus jm. Triin Vihalem on nõustanud või eestvedanud mitmeid praktilisi arendus- ja analüüsiprojekte Päästeametis, Sotsiaalsete Ettevõtete Võrgustikus, Riigikantseleis, Integratsiooni Sihtasutuses, TÜ Liikumislaboris jm. Kõigile, kes tahavad viia läbi suuremat või väiksemat „maailmaparandust“, on kasulik lugejasõbralik ja praktiline raamat Triin Vihalemmi ja tema kolleegide sulest: “From Intervention to Social Change. A Guide to Reshaping Everyday Practices” (Ashgate/Routledge 2015).

Kas globaliseerumisprotsess tekitab identiteedi hajumist, identiteedikriisi ja kultuuride hübriidiseerumist?

Globaliseerumine on niivõrd kompleksne protsess, et ühesuunalist mõju määratleda ei saa. Kindlasti kaasneb sellega inimeste jaoks kättesaadavate kultuuritarbimise, kultuurilise eneseväljenduse ja suhtlemisvõimaluste mitmekesisustumine, samuti tugevneb globaalse populaarkultuuri võim. Aga kuidas inimesed selles keskkonnas reageerivad ja oma identiteeti üles ehitavad, sõltub paljudest asjaoludest. Osa inimesi (eriti kõrgema haridusega ja sagedamini ringi rändavad inimesed) määratlevad end kosmopoliidina. Osa inimesi aga saavad globaliseerumise ilminguid just tõuke, et kaitsta veelgi tugevamini kohalikke traditsioone, keelt ja kultuuri. Nii et globaliseerumine võib kohaliku etnilist identiteeti ka toetada. Enamjaolt saame rääkida siiski hübriidiseerumisest, kus erilaadsete kultuuride vastastikmõjus tekivad uued kultuurinähtused. Näiteks üleilmsete teleprogrammide uurijad on leidnud, et eri maailma paigus võetakse sama sisu vastu isemoodi ning põimitakse universaalsed sümbolid ja lood kohalike lugudega ning tekib globaliseerunud kultuurikeskkond, kus globaalsed ja lokaalsed kultuurinähtused on läbi põimunud.

Kas varane õppimine teises keeles võib kaasa tuua etnokultuurilise marginaliseerumise?

Uuemad teise ja kolmanda keele õppimise käsitlused ütlevad, et lapsed õpivad sujuvamalt, keeli omavahel suhestades (ingl termin on *languageing*) ning pingevabas keskkonnas see oskus tugevdab nende sotsiaalset kuuluvustunnet. Kui aga vastavaid keeli kõnelevad täiskasvanud on häälestatud vastastikku vaenukult ja panevad mitmekeelsust pahaks, siis hakkab laps vältima konflikteid olukordi mõlema keelerühmaga, mis võib viia ka marginaliseerumiseni. Keel üksi pole milleski “süüdi”, olulised on keele kasutajate sotsiaalsed suhted. Keel on eeskätt suhtlusvahend.

Kuidas on suhestatud mõisted “rahvuskultuuriline identiteet” ja “kodanikuidentiteet”?

“Rahvus” on eesti keeles segane mõiste. Kui varem viitas see eeskätt etnokultuurilisele kuuluvustundele, siis uuemal ajal inglise keele mõjul (inglise keeles tähendab *national* just rahvust poliitilises mõttes) võib see tähistada ka kodakondsusest tulenevat identiteeti. Näiteks etnilise vähemusrühma liige võib end tunda kodanikuna riigis, kus riigikeel on tema emakeelest erinev, ja samas määratleda end keelepõhiselt etnokultuuriliselt. Kodanikuidentiteet ja etnokultuuriline identiteet võivad nominaalselt kattuda või ka mitte. Sageli rõhutatakse seda liitnimetusega, näiteks *American Swedish* vms.

Kuidas saab riigi tasandil teostada rahvuskultuurilise identiteedi ja kodanikuidentiteedi positiivset lõimumist diasporaas?

Eesti venekeelsest elanikkonnast on ligikaudu kolmandik sellise mustriga järgi ühiskonda lõimunud. Nende sidustus Eesti kodanikuna ja samas enda tajumine/tunnetamine venelasena on ühteviisi tugev. Nad käivad aktiivselt valimas, usaldavad ühiskonna põhilisi institutsioone, jälgivad uudiseid ja osalevad avalikel üritustel. Nad on majanduslikult suhteliselt hästi sidustunud ning neid iseloomustab paigalisus: nad liiguvad vähe ringi nii Eestis kui ka välismaal ja ei kavatse siit ka lahkuda. Eesti keele oskus ei ole neil sugugi nii hea kui sellel rühmal, keda tavapärastel peetakse hästi lõimunuks. (Inimesed, kes on hea eesti, aga ka inglise keele oskusega, liiguvad üldiselt palju ringi ja on pigem kosmopoliitsemad orientatsiooniga.) Eesti kodakondsuse omamine on selle lõimumiviisi kujunemisel olnud oluline, kuid mitte ainus faktor. Kaudsed andmed viitavad, et (vanematel) sellesse rühma kuulujatel oli juba Nõukogude Liidu ajal tugev paigaidentiteet ja uhkusetunne kohaliku (vabama) elustiili suhtes (n-õ baltiseerunud identiteet). See tunnetus on muutunud etnokultuuriliselt ja kodanikuidentiteeti ühendavaks identiteediks ja paljudes peredes ka lastele edasi antud.

FOTO: CAS, OSLO

MAREK TAMM

Marek Tamm on kultuuriajaloo professor ja vanemteadur Tallinna Ülikooli humanitaarteaduste instituudis. Ta on TLÜ kultuuridevaheliste uuringute tippkeskuse ning Kultuuriteaduste ja kunstide doktorikooli nõukogu esimees. Ta on lõpetanud Tartu Ülikooli ajaloo ja semiootika erialal (1998), omandanud magistrikraadi keskajauuringutes Pariisis Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales'is (1999) ja doktorikraadi ajaloo alal Tallinna Ülikoolis (2009). Ta on avaldanud viis monograafiat, üle seitsmekümne teadusartikli mitmes keeles ja toimetanud tosinat teaduskogumikku. Tema peamised uurimisvaldkonnad on keskaja Euroopa kultuuriajalugu, Eesti ajalookultuur, ajalookirjutuse teooria ja ajalugu ning kultuurimälu uuringud.

Kas globaliseerumisprotsess ei vii identiteedi hajumisele, identiteedi kriisile ja kultuuride hübriidiseerumisele?

Globaliseerumine ehk üleilmastumine on suur ja keeruline nähtus, mille mõjud on väga mitmesugused ja tihti raskesti ennustatavad. Esmatähenduses on globaliseerumine seotud majandusega, see mõiste viitab kaupade ja kapitali üha kiiremale ja ulatuslikumale liikumisele üle maailma. Kuid globaliseerumisest võib kindlasti rääkida ka kultuurilises mõttes — üldiste kultuurimallide ja -toodete üha ulatuslikuma leviku ja mõju tähenduses. Selles plaanis tähendab üleilmastumine ennekõike üheülbastumist, kultuurilise mitmekesisuse taandumist. See protsess võib võtta hübriidseid vorme, kus vanad kultuuritraditsioonid põimuvad uute globaalsete kultuurivormidega. Iseenest pole see tingimata negatiivne areng, sest kultuurid on ikka arenenud laenamise, vahetuste ja põimingute teel, ent oluline on, et uus laenuline aines ei ületaks mahult varasemaid kultuuritraditsioone ja -vorme.

Kui aga rääkida kultuurilise globaliseerumise mõjust identiteedile, siis esmalt on oluline määratleda, mis identiteedist me räägime — kas keelelisest, rahvuslikust, religioosest, poliitilisest, etnilisest vms? On selge, et üleilmastumine esitab väljakutse rahvuslikule identiteedile, ent sedagi ei pea tingimata käsutama negatiivses võtmes, "identiteedi hajumise" või "identiteedi kriisina". Globaliseerumisasjastu loob uusi identiteete, nime-tame neid siis näiteks "kosmopoliitiks" või "globaalseks" identiteediks, mis ei ole

tingimata halvemad kui näiteks rahvuslik identiteet. Samas on selge, et nii nagu looduses, tuleks ka kultuuris kultiveerida paljusust, hoida alles ja arendada võimalikult erinevaid identiteete, vältida seda, et maailm muutuks keelte või kultuuride osas vaesemaks. Mulle endale tundub, et globaliseerumist võib mõista niisamuti ajastuna, kus loomulik on omada mitut identiteeti, ilma et need oleks omavahel konfliktis või sulandunud. Me võime olla korruga maailmakodanikud, ent samas väärtustada oma keelelist kuuluvust, oma etnilist päritolu ja oma kultuurilisi kombeid, neid sealjuures teistest paremaks või hinnalisemaks pidamata. Globaalsele ajastule on niisiis kõige loomulikum mitmikidentiteet.

Kas varane õppimine teises keeles ei vii etnokultuurilisele marginaliseerumisele?

Ma ei usu, et keel oleks tingimata see, mis suruks alla kellegi etnokultuurilist päritolu või positsiooni. Pigem on oluline, et koolikeskkond soosiks ja toetaks iga õpilase kultuurilist identiteeti, sõltumata sellest, mis keeles toimub õppetöö. Ideaalis peaks kool olema koht, kus kasvatatakse mitmekeelseid inimesi, kes on riigile lojaalsed kodanikud ja on tugeva etnokultuurilise identiteediga. Kool peaks olema koht, kus kultiveeritakse ühist kodanikuidentiteeti, ent kus võimestatakse igaühe etnokultuurilist kuuluvust. Samuti peaks kool tagama sellise keeleõppe, mis ei takista õpilase hilisemat hakkamasaamist ühiskonnas; see eeldab, et iga koolilõpetanu on vähemalt kolmekeelne (nt Eestis oskama vähemalt eesti, vene ja inglise keelt).

Kuidas on suhestatud mõisted "rahvuskultuuriline identiteet" ja "kodanikuidentiteet"? Kuidas saab riigi tasandil teostada rahvuskultuurilise identiteedi ja kodanikuidentiteedi positiivset lõimumist diasporaas?

Nagu äsja seletasin, siis mina näen riigi (sh haridussüsteemi) ülesandena kasvatada riigile lojaalseid kodanikke, st tugeva kodanikuidentiteediga inimesi, kes ei pea aga kõik jagama ühte ja sama etno- või rahvuskultuurilist identiteeti. Kultuuriline ja keeleline mitmekesisus on iga riigi suur rikkus, ent seda eeldusel, et valitseb piisavalt suur üksmeel riigi poliitiliste põhi-väärtuste osas. Poliitilised filosoofid on nimetanud sellist arusaama "põhiseaduslikuks patriotismiks", kus igaüks on vaba valima oma kultuurilist identiteeti (kuni see ei kahjusta teisi), ent kõik peavad jagama konkreetse riigi põhiseaduslikke printsiipe.

Kui me räägime diasporaast, siis peaks sealgi kehtima sama põhimõte. Näiteks on väga positiivne ja oluline, et välismaal elavad eestlased säilitavad ja arendavad oma kultuurilist ja keelelist identiteeti (hoiavad elus eesti keelt, traditsioone jms), ent samas avalikus elus juhitud uueks elukohaks valitud riigi poliitilistest väärtustest, st on elukohariigile lojaalsed. Muidugi võiks endine kodumaa, näiteks Eesti, olla siin abiks, et välismaal elavatel eestlastel oleks võimalikult lihtne oma keelelis-kultuurilist identiteeti kultiveerida. Tänapäeva digiajastu võimalused on teinud selle ülesande oluliselt lihtsamaks, kui see oli veel mõned kümnendid tagasi.

Karmela Liebkind is Professor of Social Psychology (emerita) at the University of Helsinki, Finland. Her research interests encompass majority-minority relations, intergroup prejudice, ethnic identity, acculturation and prejudice-reduction. She has authored more than 200 scientific articles, chapters and books, e. g., the Acculturation-chapter in the Blackwell Handbook of Social Psychology (Blackwell, 2001) and the chapter on Intergroup relations and Culture in the Encyclopedia of Applied Psychology (Elsevier AP, 2004), and edited (together with Ann Masten and Donald Hernandez) and contributed to Realizing the Potential of Immigrant Youth (Cambridge University Press, 2012).

KARMELA LIEBKIND

How to link conceptually together “ethno-cultural identity” and “national (civic) identity”? How the states can promote positive integration of these two elements of identity among their minority populations?

Ethnic identity and identity in one’s new society (“national” or “majority” identity) can be regarded as two dimensions of group identity that may vary independently; that is, each identity can be either secure and strong or undeveloped and weak. An individual who retains a strong ethnic identity while also identifying with a new society is considered to have an integrated (or bicultural) identity. One who has a strong ethnic identity but does not identify with the new culture has a separated identity, while one who gives up an ethnic identity and identifies only with the new culture has an assimilated identity. The individual who identifies with neither has a marginalized identity.

The role of ethnic and national identity in adaptation can best be understood in terms of an interaction between the attitudes and characteristics of immigrants and the responses of the host society. This interaction is influenced by the circumstances of the immigrant group within the new society. Specifically, immigrants arrive in a new country with differing attitudes about retaining their cultures of origin and becoming part of the new society. However, in the new society, these attitudes interact with the actual and perceived levels of acceptance of immigrants and with official policies toward immigration. Ethnic identity is likely to be strong when immigrants have a strong desire to retain their identities and when pluralism is encouraged or accepted. When there is

pressure toward assimilation and groups feel accepted, national identity is likely to be strong. In the face of real or perceived hostility toward immigrants, some may downplay or reject their own identities; others may assert their pride and emphasize solidarity as a way of coping with negative attitudes. Resulting from these processes, ethnic and national identity may be positively related, negatively related, or unrelated, depending on the group and its situation.

The relationship of these identities to adaptation will likewise be influenced by the interaction of specific immigrant groups with their settings. Where there is pressure to assimilate and immigrants are willing to adapt to the new culture, national identity should be predictive of positive outcomes. When there is a strong supportive own ethnic community, ethnic identity should predict positive outcomes. However, outcomes will also be influenced by the ways groups and individuals perceive and interpret their circumstances. Because they result from these interacting factors, processes of adaptation are highly variable.

Most studies exploring the role of ethnic and national identity in the educational adaptation of immigrants suggest that a bicultural orientation is conducive to better school performance, but studies are inconclusive. Some studies show school adjustment to be predicted by only one of these identities (usually the national identity but in some cases ethnic identity), while other studies report no relationship between adaptation to educational environments and any of the immigrant child’s cultural identities. The process of adaptation to a new society involves intricate communication transactions, in which

immigrants try to make sense of what they expect and what is expected from them in the new setting. For example, students respond differently to particular school environments.

Clearly, societies need to find a balance between encouraging cultural retention and promoting integration into the larger society. An important step would be to consider the preferences, attitudes, and perceptions of immigrants. Because of the variability in goals of immigrants and in the ways they construct their identities, it cannot be assumed that the same approaches will be equally beneficial to all groups. Rather, the research literature indicates that best outcomes will result from providing opportunities for immigrants to make choices as to the way and extent to which they retain their ethnic identities and develop new identities as part of their country of settlement.

REFERENCES

- Phinney, J. S.; Horenczyk, G., Liebkind, K.; Vedder, P. (2001) Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective. *Journal of Social Issues*, 57(3). Society for the Psychological Study of Social Issues (SPSSI), 493–510.

PHOTO FROM THE
AUTHOR'S ARCHIVE

GALINA MASLOVA

Galina Maslova is the Dean of the Faculty of Russian Philology and Foreign Languages in Pskov State University (Russia), Candidate of Science in Pedagogy (PhD equivalent), Associate Professor of the English Language Department.

Her research interests encompass the problems of teaching EFL and issues of applying the theory and practice of intercultural communication in foreign language teaching. She is the author of more than 40 articles on the relevant topics and several textbooks, among which "Social Stratification and the Problems of Inequality", "Equity or Equality: What to Strive for in the Modern World?".

Could the process of globalization cause the identity dilution/identity crisis/culture hybridization?

Before answering the question whether the process of globalization causes the identity dilution or the identity crisis, one should answer the question what globalization and identity are.

In the most general way globalization can be defined as the increasing interaction of people, states, or countries through the growth of the international flow of money, ideas, and culture. I share the Swedish journalist Thomas Larsson's statement that globalization is "the process of world shrinkage, of distances getting shorter, things moving closer. It pertains to the increasing ease with which somebody on one side of the world can interact, to mutual benefit, with somebody on the other side of the world" (Larsson 2001). This idea emphasizes the fact that globalization makes people closer and thus, globalization can't but influence their image of themselves because people's interaction causes perceiving others and identifying them as representatives of the close groups or "the aliens". So, globalization obviously influences people's identity. And these two notions, if we mean cultural identity, are interrelated always going hand in hand.

Globalization tends to create a universal homogeneous culture. It penetrates into local cultures in the form of transnational companies, worldwide brands that are taken as a model to be emulated, mass media products that impose values far from being close to the majority of indige-

nous population of target local cultures. All this encourages cultural identity crisis instead of conciliation. However, crisis is the vehicle for development. And not the crisis itself, but how cultures respond to its challenge matters more in this respect.

One of the ways to respond to globalization process is to succumb to it and its consequences. Following the ideas of Global Expansionists, who view globalization as an inescapable development of global interactions, local and national authorities can support integrating their national economies, cultures and policies into a global network and hence facilitate global networks' dominance in favor of a homogenous global economy and culture.

On the other side of the spectrum there is an opinion that globalization is a threat providing ideas of westernization and Americanization and thus leading to cultural dominance and supremacy of the western culture. Moreover, a lot of supporters of this point of view are sure that the western world is unfit to play the role of the exemplary model because it is being challenged by numerous social and cultural predicaments, itself. In response to globalization it is offered to resist and to focus more on the local peculiarities (peculiarism). The process of reaffirmation of different cultural identities: religious, national, ethnic, territorial, gendered and other specific identities, has coexisted with the process of globalization for the last twenty years according to Manuel Castells, an outstanding Spanish sociologist (Castells 2010).

In the middle of these two extreme positions, there is a third opinion, which is called "transformationalism." The idea of

transformationalism accepts the whole of globalization and emphasizes the significance of national and local institutions. The followers of this opinion admit that globalization has a great impact on local cultures urging the pressure on them. But at the same time they offer to transform the threat of globalization into an opportunity, thereby resisting being conquered by it.

In fact, it's impossible to ignore globalization as a phenomenon that actually is taking place. Only closed societies can stay unaffected by globalization bringing themselves down to prehistoric times as progress is deterred if the system is not open. Main spheres of human life such as economy and science deny being only national. Anton Chekhov said: "There is no national science as well as there is no national multiplication table." The development of science is feasible only when the results of research are open to all who are working on the same problem, when scientists of different nations can collaborate and freely discuss their ideas. One can say the same about education, art, sport, and other aspects of human culture. Globalization enriches peoples showing how cultural universals (family, school, clothes, cuisine, celebrations, etc.) are expressed in other cultures. But harmony happens only when diversity is guaranteed. If you retain your cultural identity, if you develop your identity through constant recognition of characteristics of other cultures and their acceptance, you can indulge the opportunities of globalization.

My point of view can seem idealistic but I consider that the prosperity of the state reinforces the national identity and strengthens the cultural identity of the

citizen. Under this condition pluralism is practiced as the main pattern of cultural interaction and globalization appears to be an opportunity that does not impose a danger to cultural identity.

Could the process of globalization cause culture hybridization?

Globalization promotes cultural encounters that take place when representatives of different cultures should solve problems together or find mutual understanding when they coexist. Cultural interaction can take place on different levels: interpersonal, intergroup, or international. The examples of interpersonal level are intercultural marriages or intercultural friendships. The cases of intergroup level are joint ventures or university exchange programmes, whereas the situations of international level encompass solving global problems of immigration, trade, climate change, and others. Interacting on all these levels individuals, groups, or countries adopt the norms from other cultures. And this process has different basic approaches.

One of the accepted approaches is **universalism**, when the system regarded "the best" from economic or political point of view should be adopted in every country, as well as its cultural norms, which are "the best", too. After the end of the cold war, when the controversy between communism and capitalism was over, Western liberal democracy has been considered as the final form of human government by the followers of universalization. One cannot but admit that this approach leads to cultural imperialism and supremacy of the western culture.

Opposite to cultural imperialism is cultural pluralism as an approach. It implies that there are a lot of different ways in which cultural groups can create good lives for themselves. This way leads to the idea of particularism, which means

that each culture has its own specific norms, which are different from those of other cultures. Since each culture is different, there is no way to judge whether any given cultural norm is "better" or more "right" than others. This is the essence of **cultural relativism**, which is a very popular idea nowadays: "I am a representative of my culture, which has its own norms and values, you are a representative of your culture, which I respect and realize that your culture impose its own norms and manners of behavior on you". The message is good, but what about interaction and solving problems together, which norms shall we use? Who has to adjust to whom? Scientists often criticize cultural relativism, saying that it is not progressive, because we are not permitted to criticize the norms of our own or other cultures. We must accept cultural norms just as they are, even if we think they are bad. For example, child marriages in some cultures, or different approaches to perception of time. If we are not expected to criticize, we are prevented from trying to come up with norms we think are better and we are unable to learn anything new or valuable from other cultures. Cultures are regarded as something which is not prone to changes or improvement.

Different scholars suggest considering one more approach to cultural interaction: **constructivism**. This approach teaches that since the norms to govern relations between people from different cultures do not yet exist, they can only be constructed through intercultural dialogue. It implies the idea that we have a power to change, transform the culture. And it means a real integration, when representatives of different cultures create intercultural norms that are negotiated among people from different cultures and mutually agreed to.

Intercultural dialogue involves taking a critical stance toward both our own and the other culture, and being open to the

ideas of other culture and trying to learn something from them. For example, when Russians and Germans work together at a joint venture they can combine positive aspects of two cultures to create a new "third" culture which will involve Germans' punctuality and sticking to the plan and Russians' readiness to consolidate for the sake of the common goal in stressful situations. Thus, we can construct something new and beneficial for personal and social transformation.

Does the idea of the "third culture" prove that globalization causes culture hybridization? Partially, to my mind. First, the idea of the "third culture" is related to the situations of real cultural interaction, which is only a minor part of people's contacts. Second, the idea of the "third culture" is being discussed and thought over by sociologists as a concept which is able to assist creating **the rules** of interaction of people from different cultures, which do not yet exist. Thus, it's the concept for the future.

Moreover, hybridization, in my opinion, implies the idea of blotting out cultural distinctions, whereas the idea of the "third culture" focuses on the strengths of each culture and teaches to take advantages of them.

REFERENCES

Larson 2001 — Larsson, Thomas (2001). *The Race to the Top: The Real Story of Globalization*. Washonton: Cato Institute.

Castells 2010 — Castells, Manuel (2010). *Globalization and Identity. Quaderns de la Mediterrània*, 14. Barcelona: European Institute of the Mediterranean, 89-98.

FOTO INTEGRATSIOONI
SIHTASUTUSE ARHIIVIST

MARIANNA MAKAROVA

Marianna Makarova on Integratsiooni Sihtasutuse uuringute valdkonnajuht ja tema kompetentsivaldkonda kuuluvad sellised teemad nagu rahvussuhted, etniline ja riigiidentiteet, avatud identiteet ja lõimumise ühiskondliku konteksti mõju rahvussuhetele. Marianna Makarova on omandanud teadusmagistrikraadi psühholoogias Tartu Ülikoolis, täiendanud end Peterburi Riiklikus Ülikoolis ning praegu jätkab õpinguid Tallinna Ülikooli politoloogia doktoriõppes. Ta on juhtinud või osalenud mitmes Eesti rahvussuhteid käsitlevas uuringus ja rahvusvahelistes teadusprojektides, samuti on ta panustanud eksperdina kultuuripoliitika aluste „Kultuur 2020“ kultuurilist mitmekesisust puudutava osa lõimumiskava „Lõimuv Eesti 2020“ ettevalmistamisse.

Kuidas on suhestatud mõisted "rahvuskultuuriline identiteet" ja "kodanikuidentiteet"? Kuidas saab riigi tasandil teostada rahvuskultuurilise identiteedi ja kodanikuidentiteedi positiivset lõimumist diasporaas?

Arutledes identiteedi tähenduse ja eri identiteetide suhte üle, on alguses hea lahti mõtestada, mida mõistame identiteedi all, muidu jääb arutelu väga abstraktseks. Kollektiivne identiteet ei ole objektiivne püsiv omadus, see on sotsiaalne nähtus, mida iseloomustab inimese kuulumine teatud rühma ja selle tunnetamine. Rühma kuulumine paigutab inimese kindlasse sotsiaalsesse konteksti ja mõjutab tema ettekujutust endast, suhteid teiste inimestega oma rühma sees ja sellest väljaspool, nagu ka hoiakuid, väärtusi ja käitumist.

Igapäevaselt puutume oma elus kokku paljude identiteetidega, mis koos oluliselt kujundavad meid ja meie käitumist. Identiteedi aluseks võib olla ükskõik millisesse rühma kuulumine, olgu see harrastusklubi või töökollektiiv vms. Ka õpetajaks olemine võib mingil viisil määrata, kuidas nähakse teisi õpetajaid ja õpilasi või teiste ametite esindajaid. Suuremad

identiteedi kujunemise aluseks olevad rühmad on näiteks rahvus, rass, sugu, põlvkond jne. See, kui tugev või oluline on teatud identiteet, võib olla individuaalne, ja mingi identiteedi olulisus võib tulla esile vaid olukorras, kui puutume kokku sellest rühmast väljaspool olevate inimestega. Näiteks suheldes meiega sama nahavärviga inimestega me ei pööra üldse tähelepanu nahavärvile; etniliselt homogeenses ühiskonnas ei pruugi inimese etniline kuulumine üldse olla aktuaalne. Kui aga rahvuslik, rassiline või religioonide mitmekesisus suureneb, võib suureneka ka nende diferentseerimise kriteeriumide olulisus ja tähenduslikkus inimeste jaoks.

Meie teema jaoks on olulisteks rühmadeks etniline või rahvusrühm ja riigi rahvas. Rahvuskultuurilist identiteeti iseloomustab kindlasse rahvusrühma kuulumine tunne, millega võib (kuigi ei pruugi alati) kaasneka vastava rahvuse keele valdamine ja igapäevane kasutus, kultuurikäitumised, rahvustraditsioonide järgimine, religioossed tõekspidamised, või iseloomulikud väärtused, hoiakud ja käitumisreeglite järgimine. Rahvuskultuuriline identiteet on seotud päritolu ja etniliste juurtega, kuigi selle aluseks on eelkõige inimese enda kui teatud kultuuri

esindaja enesemääramine, ning veresugulus ei pruugi olla alati kindel tingimus. Riigiidentiteedi tähendus lähtub eelkõige sõnast "riik", mis on poliitiline termin. Suveräänsuse riigi tunnusteks on kindla territooriumi ja riigivalitsemise süsteemi olemasolu, ja mõiste „riigi rahvas“ on sotsiaalne rühm, millesse kuulumisega kaasneb riigiidentiteet. Mida tugevamalt tunnetame enda kuulumist riigi rahva hulka, mida tugevamad on sellega kaasnevad hoiakud, seda tugevam on riigiidentiteet. Kusjuures riigi kodanikuks olemine ei tähenda automaatselt riigiidentiteedi tugevust. Tugeva riigiidentiteediga käib kaasas suurem kuulumistunne ja lojaalsus riigile (Vetik 2015), aktiivne ühiskonnas osalemine ja panustamine riigi arengusse.

Kuidas suhestuvad omavahel teatud rahvuse ja riigi rahva hulka kuulumisega seotud sotsiaalsed identiteedid? Millal valitseb nende vahel kooskõla, millal võivad nad aga sattuda omavahel konfliktiks?

Vastus sellele küsimusele sõltub oluliselt sellest, mis rahvusrühmadest me räägime ja mis positsioon — kultuuriliselt, sotsiaalmajanduslikult, või näiteks võimu seisukohalt — on sellel rühmal vaatluse

all olevas riigis ja ühiskonnas. Kui võtame Eesti näite, siis eestlaste rahvuskultuuriline identiteet on väga tugevalt kokku põimunud Eesti riigiidentiteediga — koguni selliselt, et paljud ei suuda ära tabada seda piiri või vahet, kus lõpeb rahvuskultuuriline ja algab riigiidentiteet. Iseenesest on see loomulik rahvusriigi jaoks, mille eksisteerimise ülim eesmärk on tagada teatud rahvuskultuuri ja keele püsimine ning kestvus läbi aegade. Mitmekultuurilisuse ja ühiskonna lõimumise jaoks on see aga suurte väljakutsete allikas. Rahvusvaheliselt palju kinnitust leidnud akulturatsiooniteooria (Berry 2003) integratsiooni hüpoteesi kohaselt on rahvusvähemuste positiivse enesetunde ja hea ühiskonnas toimetuleku tagamiseks oluline, et nad omandaksid nii ühiskonnas domineeriva kultuuri/riigiidentiteedi kui ka väärtustaksid ja hoiaksid oma päritolu kultuuri — hoiaksid oma unikaalset rahvuskultuurilist identiteeti. See teooria on leidnud empiirilist kinnitust ka Eestis (Vetik jt 2017).

Paraku kehtib reegel, mida tugevamini on riigiidentiteet kokku põimunud kindla rahvusrühma kultuurilise identiteediga, seda raskem on rahvusvähemustel riigiidentiteeti omaks võtta, säilitades seejuures oma rahvuskultuurilist identiteeti. Rahvusvähemuste rahvuskultuurilise ja riigiidentiteedi harmooniline ühendamine muutub veelgi raskemaks, kui rahvusvähemusel on ühiskonnas negatiivne kuvand — kas seoses nende madalama sotsiaalmajandusliku staatusega, riigis viibimise legitiimsusega (kas neil on siin õigus olla või mitte), kuvandi võib muuta negatiivseks ka nende seostamine ohuga, näiteks päritoluriigiga keeruliste suhete tõttu, või tugev seostamine ajalooliste sündmustega, kus rahvusrühma esindajatel on olnud negatiivne roll.

Mida negatiivsem on rahvusrühma kuvand, seda keerulisem on rahvusvähemustel omandada tugevat seost riigiga, säilitades seejuures oma rahvuskultuurilist identiteeti. Kui aga etnilise ja riigiidentiteedi kooskõla ei ole saavutatud, järgneb kas rahvusvähemuste assimileerumine, kui nad kaotavad oma rahvuskultuurilise eripära ja domineerima jääb enamusrühma kultuur, või separeerumine, kui eri rahvusrühmad puutuvad omavahel kokku minimaalselt ega tunne huvi teineteise kultuuri vastu. Kumbki nimetatud stsenaariumitest ei

soodusta ühiskonna lõimitust, lisaks nii assimilatiivse kui separatiivse surve tajumine võib kujundada rahvusvähemustes reaktiivse identiteedi (Nimmerfeldt 2006), mis väljendub rahvusvähemuste nõrgemas kuuluvustundes ja võõrandumises. Reaktiivne identiteet nõrgendab omakorda rahvusvähemuste riigiidentiteeti (Pilvisto 2013) ja lõhestab veelgi ühiskonda.

Mis on siis lahendus, mis aitab saavutada harmoonilist kooskõla rahvusvähemuste tugeva riigiidentiteedi ja rahvuskultuurilise identiteedi vahel Eestis? Ühelt poolt on selleks avatud riigiidentiteet, mis on seotud riigi rahva hulka — ja mitte ilmingimata teatud etnilisse rühma — kuulumisega. 24. veebruaril 2017. aastal sõnastas Eesti Vabariigi president Kersti Kaljulaid Eesti “komberuumi” ideed. Seda võib lahti mõtestada kui mõttelist ruumi, mis määrab kindlaks Eesti ühiskonna toimimise jaoks olulised käitumisviisid ja väärtused, mille omaksvõtmine on Eesti rahva osaks saamise tingimuseks. On tähtis, et see komberuum oleks piisavalt avatud ja paindlik, et kaasata kõiki Eestis elavaid inimesi sõltumatult nende kultuuridest ja päritolust, kuni need ei ahista nimetatud komberuumi. Teiselt poolt on oluline, et kultuuriline mitmekesisus oleks ühiskonnas väärtustatud ja selle edendamiseks pakuks riik tuge, samuti et eri kultuurirühmade esindajate vahel oleks positiivsed kontaktid.

Rahvusvähemuste positiivse identiteedi toetamine on teine oluline külg selles lahenduses, ja sellele saab kaasa aidata nii riik kui ka igaüks meist. Õpetajana selle jälgimine, et keeruliste ajalooliste sündmuste käsitlemisel ei kanduks negatiivne kuvand tänapäeva rahvusrühmade esindajatele — kes võivad olla kas samas klassiruumis või õppida teises koolis üle tee. Ajakirjanikena positiivsete kultuurilise mitmekesisusega seotud teemade avamine avalikus arutelus aitab oluliselt positiivse kuvandi tekkimisele. Rahvusvähemuste endi aktiivne kodanikuühendustes osalemine ja panustamine ühiskonna heaolu tõstmisesse, oma päritolukultuuri tutvustamine, osalemine ühiskondlikus dialoogis — see kõik annab samuti väga väärtusliku panuse nii positiivse vähemuste identiteedi kui ka ühiskonna avatuse kujundamise ülesandesse.

Ühiskonna avatus ja kaasamisvõime koos rahvusvähemuste tugeva riigiidentiteedi ja riigipoolse kultuurilise mitmekesisuse väärtustamise ning toetamisega saavad olla kolm sammast rahvuskultuuriliste identiteetide ja kodanikuidentiteedi positiivseks lõimumiseks diasporaas.

VIIDATUD ALLIKAD

Berry 2013 — Berry, J. W. (2003). How shall we all live together? *Multicultural Estonia*, M. Luik (Ed.). Tallinn: Estonian Integration Foundation, 3–11.

Nimmerfeldt 2006 — Nimmerfeldt, G. (2006). Identiteet ja vähemuste sotsiaalne kohanemine: Teoreetiline raamistik reaktiivse identiteedi käsitlemise operatsionaliseerimiseks. Eestis sündinud noorte venelaste identiteedi kvalitatiivne uuring. Magistritöö. Tallinna Ülikooli Riigiteaduste Instituut.

Pilvisto 2013 — Pilvisto, H. (2013). Vähemusgrupi poolt tajutud enamusgrupi akulturatsioonihoiakute mõju etnilisele ja riiklikule identiteedile. Magistritöö. Tartu Ülikooli psühholoogia osakond.

Vetik 2015 — Vetik, R. (2015) Riigiidentiteedi kaks sammast. *Riigikogu toimetised*, 32. Tallinn: Riigikogu Kantselei, 23–38. URL: https://rito.riigikogu.ee/wordpress/wp-content/uploads/2015/12/RiTo_32_tervik- ilma-t%C3%B5lkeartiklita.pdf

Vetik jt 2017 — Vetik, R.; Raudsepp, M.; Krusvall, J.; Kus-Harbord, L.; Makarova, M. & Valk, A. (2017). Intercultural relations in Estonia. Mutual Intercultural Relations. Berry, J. W. (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 147–170.

FOTO: ANNA MARKOVA

KRISTINA KALLAS

Kristina Kallas on Tartu Ülikooli Narva kolledži direktor. Ta on lõpetanud Tartu Ülikooli ajaloo teaduskonna, omandanud magistrikraadi Kesk-Euroopa Ülikoolis (Budapest) ning doktorkraadi riigiteadustes Tartu Ülikoolis. Kristina Kallase peamine uurimisvaldkond on rahvusriikide kujunemine, mitmerahvuseliste ühiskondade lõimumisprobleemid ning vähemuste õigused. Ta on avaldanud mitmeid teadusartikleid ning raamatute peatükke Eesti lõimumise väljakutsetest. Kristina Kallas on Integratsiooni Sihtasutuse nõukogu esimees, ta töötab ka eksperdina OSCE Vähemusrahvuste Ülemkomissari jaoks, nõustades ühiskonna lõimumispoliitika teemal Ukraina, Kõrgõstani ja Moldova valitsusi.

Kuidas suhestuvad omavahel mõisted "etniline või rahvuslik-kultuuriline identiteet" ja "riigiidentiteet"? Kuidas saab riik ja ühiskond toetada nende kahe identiteedi konfliktivaba koostoimimist vähemusgruppide jaoks?

Ma ei hakka lahkama seda teemat teoreetiliselt, vaid võtan näitena Eesti olukorra ja analüüsin, kuidas on Eestis võimalik saavutada etnilise ja riikliku identiteedi rahulik koostoime. Etniliste eestlaste jaoks ei ole lõhestumist nende etnilise ja riikliku identiteedi vahel, kuna Eesti riik on oma olemuselt etniliste eestlaste kultuuri ja keele kandja. Etniliste eestlaste keel on riigikeel, eestlaste etnokultuurilised sümbolid on Eesti sümbolid. Olla eestlane tähendab nii seda, et ollakse eesti kultuurikogukonna osa, kui ka seda, et ollakse Eesti (riigi)rahva liige.

Keerulisem on olukord Eestis elavate vähemusrahvustega, nagu eestivenelased, ukrainlased, valgevenelased jne. Vähemusrahvus mõistena viitab nii sellele, et ollakse arvuliselt väiksem enamusest (ehk eestlastest), kui ka sellele, et ollakse kultuuriliselt "väiksem", st omatakse vähem kultuurilisi õigusi. Mida ma selle all silmas pean? Kui Eesti riik on loodud ühelt poolt küll kõikide isikute vabaduste ja õiguste kaitseks, on ta teiselt poolt loodud ka eesti keele ja kultuuri kaitseks, mis annab etniliste eestlaste kultuurile ja keelele privilegieeritud seisuse. See on üsna tavaline keele- ja kultuuripõhisele rahvusriigile, mida ena-

mik Euroopa riike ka on. Kuid pärast II maailmasõda toimunud vähemusrühmade õiguste kaitse tormilist arengut on Euroopa riigid liikunud kultuuriliste ja keeleliste vähemusrühmade õiguste suurendamise teed ning tänapäeval kehtib demokraatlikes riikides hea tava ja on ka kehtestatud mitmeid rahvusvahelise õiguse norme, mis määravad, et vähemusrühmade õigused ei tohi olla alla surutud. See ei tähenda siiski vähemusele enamusega samaväärsete õiguste andmist, sest üldjuhul enamuse keel ja kultuur domineerivad riiklikus asjaajamises ja ühiskondlikus ruumis. Kuid juba ligi 80 aastat on Euroopas kehtinud arusaam, et vähemusrahvusi ei tohi sundida assimileeruma, vaid neile peab looma õigused ja võimalused kasutada oma keelt ning harrastada ja arendada oma kultuuri. Vabatahtlik assimileerumine on siiski võimalik. Teisalt on vähemusel enamusega võrreldes siiski suurem kohustus kohaneda ka enamusrühvuse kultuuriga, omandades riigikeele ning teatud ühiselukombed ja väärtused. Ehk siis Eestis peab Eesti riik tagama, et venelastel, ukrainlastel, valgevenelastel ja teistel vähemusrahvuste esindajatel oleks õigused ja võimalused kasutada oma keelt ja kultuuri ning neil on omakorda kohustus kohaneda Eesti riigi elukorralduse, kommete ja väärtustega (mis on paljuski seotud etniliste eestlaste elukorralduse, kommete ja väärtustega).

Kuidas seda sümbioosi tegelikkuses saavutada, näiteks koolides, kus õpib palju vähemusrahvusest õpilasi? Kes-

kendun siin vaid ühele aspektile, milleks on keel. Kooliharidus peab looma võimalused nii riigikeele kui vähemusekeele omandamiseks võrdsel tasemel. Rõhutan, et võrdsel tasemel. Niipea, kui üks keel hakkab domineerima teise üle, on tulemus tasakaalust väljas – väiksem riigikeele oskus võib viia omakultuurilise sulgumiseni ja konkurentsivõimekuse vähenemiseni, samas oma rahvusrühma keele vähene oskus võib viia olulise omakultuurilise identiteedi kadumiseni ja vabatahtliku assimileerumiseni. Tasakaalu saavutamine riigikeele ja emakeele õpetamise (või riigikeeles ja emakeeles õpetamise) vahel on keeruline ja ideaalseid kõigjale sobivaid lahendusi ei ole. Maailmas on olemas häid praktikaid ja Eesti keelekümbelse mudel on üks neist, kuid valdavalt on tasakaalu saavutamine keelte õpetamises siiski üks peamisi lõimumise väljakutseid igal pool maailmas. Eesti riigi ülesanne on otsida riigikeeles ja vähemusrühmade emakeeles õpetamise tasakaal Eesti haridussüsteemis, mis aitab kaasa ka etnilise ja riigiidentiteedi sümbioosile Eesti vähemusrahvusest noorte jaoks. On oluline, et Eestis elavad venelased hakkaks ennast identifitseerima eestivenelastena – identiteedi määratleja, mis viib kokku Eesti kultuuriruumi ja vene kultuuriruumi. Mitmikidentiteet, kus on kokku sulandatud riik (Eesti) ja omakultuuriline identiteet (vene) võimaldab noortel kasvada tugevateks isiksusteks, kes on teadlikud oma identiteedist ning teavad, kes nad on ja kuhu nad kuuluvad. See on hädavajalik vundament selleks, et olla õnnelik inimene. 🇫🇮

Поддержка национально-культурной идентичности учеников в школе

ФОТО: АННА МАРКОВА

ЕЛЕНА НЫМ

Елена Юрьевна Ным (PhD) работает доцентом по межкультурной коммуникации в Нарвском колледже Тартуского университета. Родилась в Нарве, закончила в 1991 г. Нарвскую среднюю школу №11, тогда же поступила в Тартуский университет. В 1995 г. получила степень бакалавра по специальности «русская и славянская филология». В 2003 г. защитила докторскую диссертацию «Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы)». Круг научных интересов охватывает русскую литературу конца XIX — начала XX вв., локальный текст города Нарвы, вопросы межкультурного общения, мультикультурное и многоязычное образование, вопросы структуры и формирования национально-культурной и локальной идентичности, методику преподавания русской литературы и русского языка как иностранного и др.

Поддержка в становлении национально-культурной идентичности ученика и развитие его толерантности, терпимости к представителям других культур являются важными задачами мультикультурного образования. Достижение их можно назвать индикатором сформированности мультикультурной компетентности учащегося, позволяющей ему чувствовать себя свободно в ситуациях межкультурного взаимодействия, получать радость от открытия нового, непохожего на собственную культуру, и не чувствовать страхов из-за нежизнеспособности своей родной культуры.

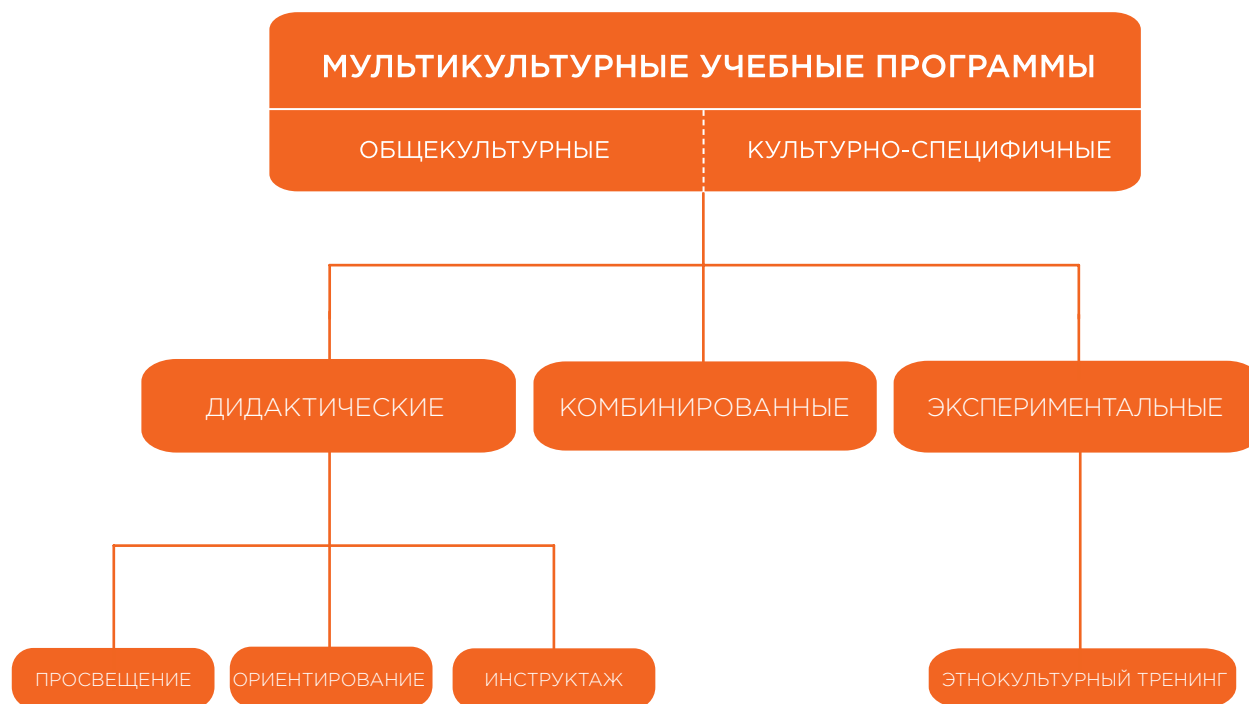
Безусловно, осуществить поддержку национально-культурной идентичности учеников в условиях школьного обучения помогут специально созданные для этого учебные материалы. Педа-

гоги могут разработать их в рамках специального предметного курса, ставящего целью поддержку национально-культурной идентичности учеников и имеющего свою собственную учебную программу. Однако такие учебные материалы могут быть интегрированы и в учебные программы других школьных предметов гуманитарного цикла, поддерживая тем самым реализацию сквозной темы «Культурная идентичность», заявленной в ныне действующих куррикулах для основной школы и гимназии (см. PRÕ; GRÕ).

И тот и другой подход к решению задачи обязует педагога провести предварительное изучение ситуации, сделать актуальный срез развития национально-культурной идентичности у своих воспитанников, выявить проблемные зоны, которые

требуют участия и поддержки со стороны педагогов и родителей. Результаты этого предварительного исследования помогут наметить цели педагогической работы, очертить ее содержание и выбрать необходимые методы. Владея информацией о возможных путях поддержки национально-культурной идентичности учеников в условиях школьного обучения, педагог сможет подобрать или разработать учебные задания и игры, которые будут действенными в каждом конкретном случае.

В настоящей публикации будет показано, как в рамках различных учебных программ мультикультурного образования можно ставить и решать задачи поддержки национально-культурной идентичности учеников. >>

СХЕМА. ТИПОЛОГИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ¹.

» УЧЕБНЫЕ ПРОГРАММЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В практике мультикультурного образования в разных странах мира накоплено достаточно много разнообразных учебных программ, которые можно условно свести к нескольким типам (см. схему). Выбор или разработка учебной программы всегда зависит от конкретных целей, которых стремятся достичь разработчики или практики мультикультурного образования. Эти цели могут быть связаны с развитием компетенции ученика в конкретной культуре (культурно-специфичные программы) или же с повышением его уровня осведомленности в общих вопросах и проблемах, связанных с межкультурной коммуникацией, с развитием т. н. общекультурных навыков, необходимых в ситуации взаимодействия с любой другой культурой (обще-

культурные программы). Приоритетные цели учебной программы могут быть связаны с развитием разных компонентов мультикультурной компетентности: когнитивного (знания), аффективного (установки) или поведенческого (умения, навыки общения и взаимодействия)². Это диктует и выбор соответствующих методов обучения. Очевидно, что дидактические учебные программы (такие, как просвещение, инструктаж, ориентирование) ставят в качестве приоритетной цели формирование когнитивного компонента мультикультурной компетентности. Экспериментальные же программы, представленные разного рода этнокультурными тренингами, ориентированы, в первую очередь, на развитие аффективного и деятельностного компонентов мультикультур-

ной компетентности. Комбинирование разных методов и приемов мультикультурного образования позволяет комплексно работать над формированием всех компонентов мультикультурной компетентности.

Рассмотрим подробнее каждый из типов обучающих программ парадигмы мультикультурного образования. В качестве иллюстративных примеров будут приведены учебные материалы, которые могут быть использованы для формирования и поддержки национально-культурной идентичности молодого поколения русских людей, проживающих в Эстонии. Материалы могут быть использованы в работе с учениками гимназической ступени.

ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА

Просвещение представляет собой дидактическую учебную программу, нацеленную на повышение информационной компетентности в определенной тематической области. Традиционными техниками просвещения являются лекции, просмотры и обсуждения документальных и художественных фильмов, чтение разного рода литературы, посещение музеев, выставок, культурных мероприятий и др.

В качестве примера просветительских обучающих программ в Эстонии можно привести серию телепередач о

различных этносах, населяющих республику. Эти документальные фильмы были сняты ЭТВ по заказу Целевого учреждения интеграции в 2000-х гг. Цикл получил название «Этномозаика»/«Etnomosaiik». В него вошли передачи об украинцах, русских, финнах-ингерманландцах, белорусах, венграх, азербайджанцах, чувашах, латышах, литовцах, татарах, молдаванах, евреях, русских староверах, узбеках, цыганах, марийцах, армянах, шведах, немцах, грузинах, поляках, корейцах, мордве, дагестанцах, болгарях.

¹ В основу представленной типологии легли материалы учебного пособия: Стефаненко 2008.

² Подобной модели мультикультурной компетентности придерживаются многие исследователи мультикультурного образования и межкультурной коммуникации. См., например: Lynch 1983; Садохин 2004; Рот, Коптельцева 2006; Васильченко 2008.

Посмотрим, как можно использовать в учебной работе один из фильмов этой серии, рассказывающий о судьбе русских староверов на эстонской земле — «Староверы» (2005, автор и редактор — Евгения Хапонен, режиссер — Сергей Леденев, VEK & Eesti Televisioon).

Предлагая гимназистам для ознакомления материалы просветительского характера о староверах Причудья, мы будем работать на формирование позитивной национально-культурной идентичности. Знания об общине русских староверов, которая является единственной дожившей до нашего времени старожильской русской общиной в Эстонии, важны для закладывания фундамента исторической памяти у русской молодежи, формирования представлений об исто-

рических связях русской общины с Эстонией, об укорененности русских на этой территории. Это позволит укрепить локальную русскую идентичность, осознание русскими в Эстонии своей самобытности, независимости от русских, проживающих в культурной метрополии. Очевидно, что на данный момент именно ознакомление с историей русской общины в Эстонии, формирование общей исторической памяти, которая охватывала бы не только события Второй мировой войны, является приоритетной задачей в укреплении позитивной национально-культурной идентичности русской молодежи в Эстонии.

Фрагмент учебного материала по формированию национально-культурной идентичности русских жителей Эстонии

ЧТО МЫ ЗНАЕМ?

- 1) Что вы знаете о староверах? Кто такие староверы или старообрядцы? Почему их так называют?
- 2) Проживают ли староверы в Эстонии? Где именно они расселились? Когда и по какой причине они попали на эти территории?
- 3) Чем занимаются староверы? Есть ли у них какие-то традиционные виды занятий?
- 4) Что вы знаете о языке, традициях и обычаях, о культуре староверов?

УЗНАЕМ МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

Задание 1

Прочитайте фрагмент статьи председателя Союза старообрядческих общин Эстонии Павла Григорьевича Варунина «Об изучении культурного наследия староверов Эстонии и его сохранении»³. Ответьте на вопросы в конце текста.

Староверы Причудья... Кто они? Религиозные **диссиденты**⁴, **сектанты**, отдельный **субэтнос** или коренное население? **Анклав** древнерусской культуры или место поселения беглых крестьян и гонимых приверженцев старой веры? Каждая из этих версий имеет свои «убедительные источники» и «неоспоримые аргументы», у каждой есть свои приверженцы и оппоненты. Но как мне видится, на сегодняшний день конкретного ответа на вопрос о возникновении этой части населения Эстонии так и нет. Можно обратиться к известным трудам Алисе Моора и Ели-

заветы Рихтер. На самом деле источников множество. Как только появляется интерес к староверам Причудья, отсутствие документов и памятников культуры оказывается мнимым.

Язык староверов хранит русскую архаику и включает заимствования из эстонского. **Топонимика** причудского региона задаст множество вопросов и, возможно, еще дальше отодвинет предполагаемое время его заселения. И даже когда оно будет определено, наверняка появятся вопросы о преемственности культурных, церковных

и обрядовых традиций первых поселенцев и современных жителей.

Коренные или пришлые, уникальные или заурядные?... Двести пятьдесят, триста или пятьсот лет тому назад появились они в Эстонии и как их называть теперь? Но так ли важны для самих староверов точные даты и термины? Чувство собственного достоинства и уважение окружающих вряд ли зависит от количества лет, прожитых в данном месте. Можно предположить, что признание староверия и интерес к староверам были и будут >>

³ См. Варунин. Авторский текст приводится в адаптированном виде.

⁴ Выделенные в тексте слова и понятия нуждаются в комментарии со стороны учителя.

» только при условии сохранения и развития ими своей самобытности. Наследники пришлых или коренных, в первом поколении или в пятом — каждый из них хранил устои и привносил что-то свое и тем самым формировал понятие «русские староверы Эстонии». Но и много потерь было на этом пути... Уходят свидетели эпохи, уходят носители языка и культуры совсем еще недавнего времени, и наследие их пропадает.

Заполнить «белые страницы истории», собрать как предметы материальной культуры, так и воспоминания людей старшего поколения, зафиксировать уходящие особенности языка причудцев — подобные идеи приходили нам не раз. Они обсуждались и воплощались в среде самих староверов в виде личных архивов — собраний фотографий и писем, а также предметов церковного культа и быта. Безусловно, бережно хранимое бабушкой порой выбрасывалось беспечными внуками. Конечно, на сегодняшний день угроза «дестароверизации» существует. Она и в уменьшении количества членов общин, и в нехватке наставников, и во многом другом. Однако проблемы — и очень непростые — были у староверов каждой эпохи.

Так насколько ныне оправдана боязнь самого «черного варианта» — окончательного вымирания староверия? Озабоченность русской диаспоры Эстонии **ассимиляционными** тенденциями в политике, конечно, находит живой отклик и в среде староверов. И вполне возможно, что страх перед **«денационализацией»** заставит нас вспомнить о своем происхождении и обратиться к своим корням. И что тогда окажется важнее: количество или «качество» староверов? Что будут использовать новые члены общины, какое наследство им достанется? Даже сейчас мы не знаем многого о собственной истории и культуре. Что-то оказалось прочно забытым, а что-то так до сих пор не востребовано или не оценено. Здесь сыграли свою роль и долгая закрытость староверия, и отсутствие собственных исследователей, и «тяжкие времена».

Сейчас ничто и никто не мешает нам — было бы желание! И оно, похоже, есть. Есть и староверы, готовые трудиться для того, чтобы сохранить наследие предков. Так же, как есть исследователи и ученые, заинтересованные в изучении нашего языка и культуры. Взаимодействие и партнерство этих двух

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ВАРУНИН (род. 12.06. 1961 в Тарту, Эстония).

сил могли бы, на мой взгляд, в какой-то мере решить проблему «дестароверизации».

ПАВЕЛ ВАРУНИН. СТАРОВОЕРСКОЕ НАРОДНОЕ БОГОСЛОВИЕ (СОВРЕМЕННЫЙ ЛУБОК).

ВОПРОСЫ ПО ТЕКСТУ

- 1) Как вы поняли, кто такие русские староверы Эстонии?
- 2) Почему автор высказывает опасения за судьбу староверческой культуры в Эстонии?
- 3) Что дает надежду на возможность решения проблемы «дестароверизации» населения Причудья?

СМОТРИМ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ

Задание 2

Посмотрите документальный фильм «Староверы» (2005, авторы: Евгения Хапонен и Сергей Леденев), рассказывающий о жизни русских старообрядцев в Эстонии. Ответьте на вопросы после просмотра фильма.

- 1) Что нового вы узнали о староверах Эстонии?
- 2) В чем вы видите влияние эстонской культуры на быт старообрядцев?

- 3) Какие традиционные ценности русской культуры сохраняются в жизненном укладе старообрядческой общины?
- 4) Что помогало старообрядцам сохранять традиционный жизненный уклад?
- 5) Какие изменения происходят в современной старообрядческой деревне?
- 6) Что нужно делать для того, чтобы культура старообрядцев Эстонии сохранилась?
- 7) Как вы думаете, почему судьба староверов не должна быть безразлична русским людям, проживающим в Эстонии?

ПАВЕЛ ВАРУНИН. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ "ВАЛЕНКИ" (СОВРЕМЕННЫЙ ЛУБОК).

ОРИЕНТИРОВАНИЕ, ИЛИ «КУЛЬТУРНЫЕ ПОВАРЕННЫЕ КНИГИ»

Среди дидактических обучающих программ свое место занимают инструктаж и ориентирование. Принципиальным различием между этими видами мультикультурных обучающих программ является объем сообщаемых ученикам знаний и сведений о культуре. Инструктаж отличается более основательным подходом, широким охватом возможных проблем, более детальным информированием об особенностях вживания в целевую культуру.

Ориентированием называют учебную программу, которая ставит своей целью быстро познакомить ученика с основными нормами и ценностями,

правилами поведения в интересующей его культуре. Такие брошюры обычно содержат набор «рецептов» правильного поведения, поэтому их иронически называют «поваренными книгами».

Очевидно, что подобные книги/брошюры ориентированы прежде всего на иностранцев, т. е. людей, для которых изучаемая культура не является родной. Однако если национально-культурная община проживает в условиях диаспоры, для ее представителей становится актуальным знакомство с национальной культурой метрополии. Можно попробовать составить подобный перечень правил поведения

во время автобусной экскурсии учеников из Эстонии в Россию, например, в Санкт-Петербург, сделав акцент в нем на различиях между культурой поведения русских в Эстонии и русских в России.

В то же время многие нормы коммуникативного поведения российских русских знакомы и понятны русским в Эстонии, поэтому мы попробуем усложнить нашу «поваренную книгу» и предложить учебные задания, которые помогут ученикам увидеть общее и различия в собственном поведении и поведении русских в России.

Фрагмент учебного материала по формированию национально-культурной идентичности русских жителей Эстонии

Задание 3

Авторы брошюры «Можно? Нельзя? Практический минимум по культурной адаптации в русской среде»⁵ (2006) дают советы иностранцам, которые изучают русский язык и культуру. Прочитайте некоторые из этих советов (а точнее правил поведения) из раздела «Гости» и подумайте, почему их надо сообщать иностранцам.

- 1) Имейте в виду, что у русских не принято приходить в гости раньше назначенного времени.
- 2) Имейте в виду, что продукты и напитки, которые принесут гости, хозяин обязательно ставит на общий стол.
- 3) Имейте в виду, что у русских принято, входя в квартиру, менять обувь: снимать уличную и надевать домашнюю.
- 4) Имейте в виду, что у русских не принято подавать аперитив.
- 5) Имейте в виду, что уходить из гостей у русских принято не позже полуночи.
- 6) Имейте в виду, что, как правило, русские подают сначала холодные закуски, потом горячие блюда и в конце вечера десерт. >>

⁵ См. Вольская и др. 2006. Цитируемый в задании текст немного адаптирован для нужд данного учебного пособия.

» 7) Имейте в виду, что именно за столом русские обычно проводят всё время визита гостей. При этом гости могут выходить из-за стола, чтобы покурить, потанцевать, подышать свежим воздухом, но потом возвращаются на свое место за столом.

8) Имейте в виду, что только с очень близкими людьми русские могут говорить об интимных проблемах (например, о своих сексуальных отношениях).

9) Имейте в виду, что после тоста русские всегда чокаются друг с другом. Не чокаются русские только тогда, когда пьют за того, кто умер.

10) Имейте в виду, что первые тосты за столом всегда общие.

11) Имейте в виду, что хозяин может сказать тост «за гостей» только в самом конце вечера. Такой тост служит сигналом окончания визита.

ДАВАЙТЕ ОБСУДИМ!

1) Все ли из прочитанных вами советов вызвали у вас однозначное приятие? Всегда ли вы сами так поступаете?

2) Попадали ли вы в ситуации, когда другие нарушали прописанные здесь правила поведения? Как вы думаете, почему это происходило? Правила нарушали иностранцы, люди другой культуры или сами русские?

3) Как вы думаете, легко ли иностранцу или человеку другой культуры понять поведение русского человека?

4) Вам самим всегда ли легко понять поведение русских людей, которые живут в России? Как вы думаете, с чем это связано?

5) А русская культура в Эстонии отличается от русской культуры в России?

6) Можете ли вы составить список из 10 советов эстонскому русскому, который поедет в путешествие по России?

«КУЛЬТУРНЫЙ АССИМИЛЯТОР» КАК АТРИБУТИВНЫЙ ТРЕНИНГ

Экспериментальные мультикультурные программы достаточно разнообразны, однако этнокультурный тренинг занимает среди них ведущее место. Тренинговые программы тоже могут варьироваться в зависимости от того, развитие каких аспектов мультикультурной компетентности признается приоритетным в конкретной тренинговой программе.

Частой проблемой в межкультурном общении становится непонимание партнера и приписывание неверных при-

чин его вербальному и невербальному поведению. Мы даем ложные атрибуции (или интерпретации) наблюдаемому поведению. Помогает исправить ложные атрибуции и заложить в сознание человека адекватные модели восприятия и понимания другой культуры атрибутивный тренинг, который получил название «культурный ассимилятор».

Поскольку ситуацию общения русских людей из Эстонии с россиянами, даже русскими по культуре, можно тоже рас-

сматривать как межкультурный диалог, становится актуальным создание «культурного ассимилятора» для эстонских русских. Рассмотрим пример задания из подобного, еще не существующего, ассимилятора и познакомимся со структурой такого типа учебных программ.

Фрагмент учебного материала по формированию национально-культурной идентичности русских жителей Эстонии

Задание 4

Прочитайте описание ситуации, которая произошла в российской сфере обслуживания с одной эстонской туристкой, русской по культуре и языку общения. Попробуйте проанализировать эту историю, используйте свои знания об особенностях поведения русских людей, проживающих в России.

Мария вышла из метро в Москве, было жарко, она решила купить минеральной воды. Подошла к ларьку, стоявшему неподалеку. «Будьте добры, дайте мне воду без газов», — обратилась она к продавщице. В ответ она услышала следующее: «Девушка, зачем вам эта

негазированная вода, возьмите вот эту, ее все очень охотно берут. Недорогая и вкусная, я сама ее всегда пью». Мария знала, что от газированной воды ей станет плохо, поэтому повторила свою просьбу: «Я все-таки хотела бы купить воду без газов. Есть ли у вас?». «Нет,

она не пользуется спросом, мы ее не заказываем. Покупайте вот эту, я же вам говорю, что она хорошая. Вы что не верите мне?». Мария поблагодарила продавщицу, но ушла расстроенная и даже обиженная на женщину.

КАК МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ ПОВЕДЕНИЕ ПРОДАВЩИЦЫ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ?

Перед вами четыре варианта интерпретации этой ситуации. Найдите правильное объяснение.

1) Продавщица поступила бесцеремонно и совсем игнорировала просьбу покупателя.

2) У продавщицы не было воды без газов, но она не хотела терять покупателя, и ей надо было поскорее распродать весь оставшийся товар.

3) Продавщица искренне считает, что газированная вода вкуснее, поэтому советует ее всем покупателям из самых лучших побуждений.

4) Продавщица узнала в Марии туристку и дала понять, что туристы должны покупать местные товары, а не диктовать свои запросы местным производителям.

ВЫ ВЫБРАЛИ ОБЪЯСНЕНИЕ № 1

Вы выбрали неверное объяснение ситуации. Нельзя сказать, что продавщица не ответила на вопрос Марии, более того, она даже посоветовала лучший, на ее вкус, вариант товара. Вернитесь к анализу ситуации и попробуйте найти правильное объяснение.

ВЫ ВЫБРАЛИ ОБЪЯСНЕНИЕ № 2

Вы выбрали не совсем точный ответ. Конечно, экономические соображения всегда будут определять отношения продавца и покупателя, однако в данной ситуации продавец свою рекомендацию подкрепляет как рациональными, так и эмоциональными аргументами. К тому же в описании ситуации нет намеков на то, что продавец заинтересован распродать весь товар. Речь идет только о минералке. Вернитесь к анализу ситуации и попробуйте найти правильное объяснение.

ВЫ ВЫБРАЛИ ОБЪЯСНЕНИЕ № 3

Вы выбрали правильное объяснение ситуации. Русские люди склонны говорить вполне искренне о своих вкусах и предпочтениях, к тому же русские всегда рады помочь другому советом, особенно если считают этот совет единственно правильным. Такое поведение русских со стороны человека, непривычного к фамильярному общению в сфере обслуживания, может быть воспринято как нарушение личного, частного пространства. Не всем людям нравится, когда им дают советы, как следует поступить в делах частных. Очевидно, этим можно объяснить реакцию Марии, которая привыкла к более формальным отношениям и общению между продавцом и покупателем.

ВЫ ВЫБРАЛИ ОБЪЯСНЕНИЕ № 4

Вы выбрали неверное объяснение ситуации. Нет никаких оснований говорить о том, что продавщица проявляет нетерпимость к покупателям-иностранцам. К тому же Марию сложно назвать «чистой иностранкой», поскольку она говорит свободно на русском языке. Вернитесь к анализу ситуации и попробуйте найти правильное объяснение.

ЛИТЕРАТУРА

Варунин — Варунин П. Г. Об изучении культурного наследия староверов Эстонии и его сохранении. *Русские староверы в Эстонии*. Веб-сайт. URL: <http://www.starover.ee/ru/index.html>

Васильченко 2008 — Васильченко Л. (2008). Мультикультурная компетентность педагога и ее развитие. *Acta et commentationes collegii Narovensis. Tartu Ülikooli Narva Kolledži toimetised*, IX/2. Narva, 159-178.

Вольская и др. 2006 — Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. (2006). Можно? Нельзя? Практический минимум по культурной адаптации в русской среде. Москва: Русский язык. Курсы.

Рот, Коптельцева 2006 — Рот Ю., Коптельцева Г. (2006). Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.

Садохин 2004 — Садохин А. П. (2004). Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Москва: Альфа-М, ИНФРА-М.

Стефаненко 2008 — Стефаненко Т. Г. (2008). Этнопсихология: практикум. Москва: Аспект Пресс.

Lynch 1983 — Lynch, J. (1983). *The Multicultural Curriculum*. London: BAE.

PRÕ — Põhikooli riiklik õppekava. *Riigi Teataja*. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/120092011009?leiaKehtiv>

GRÕ — Gümnaasiumi riiklik õppekava. *Riigi Teataja*. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/129082014021?leiaKehtiv>

Формирование национальной идентичности при изучении литературы русской эмиграции: «Темные аллеи» И. А. Бунина

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

АИДА РАЗУМОВСКАЯ

Аида Геннадьевна Разумовская, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Псковского государственного университета, директор Открытого института русского языка и культуры имени профессора Е. А. Маймина. Автор более 120 статей и 4 монографий: «И. Бродский: метафизика сада» (Псков, 2015), «Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти» (Псков, 2010), «Сады в культуре, реальные и вымышленные» (Псков, 2011), «Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма)» (Санкт-Петербург, 2014). Круг научных интересов А. Г. Разумовской широк: история русской литературы XX века, методика преподавания литературы в средней и высшей школе, пушкинская традиция в русской поэзии XX века, сады в литературе, «псковский текст» в литературе, феномен пограничья в литературе.

Актуальность проблемы национальной идентичности нарастает в современном мире: процесс глобализации сопровождается у народов тенденцией возврата к собственным корням, к акцентированию своей самобытности, поиском ориентиров и стабильности в нестабильном мире. Для системы образования также характерно повышенное внимание к тому, как в условиях возросшей межкультурной коммуникации и формирования многокультурного мира воспитать у детей чувство принадлежности к родной культуре и родной нации. Общеизвестно, что базовыми ценностями, которые определяют наличие идентичности, являются любовь к Родине, родной язык, историческое и культурное прошлое. По словам Х.-Г. Гадамера, «Родина — это языковая родина. Именно в родном языке — вся близость к своему, в ней — обычаи, традиции и знакомый мир».

Бесценный материал заключает в себе художественная литература, которая

является одним из источников изучения самобытности народа, своеобразия национальной картины мира. Многие писатели, особенно в условиях полиэтнической культуры, сознательно изображают эту проблему в своих произведениях. С ней нужно знакомить подрастающее поколение, задавая ему вектор жизнепонимания, помогая молодым читателям строить межкультурные взаимоотношения в реальной жизни.

Но анализ этой проблемы способствует и более глубокому восприятию литературного произведения, неповторимого художественного мира, благодаря чему даже в хорошо известном тексте может обнаружиться некое новое измерение. Изучение проблемы национальной идентичности в школьной практике следует рассматривать как путь, ведущий к лучшему пониманию литературного произведения. Однако учителю следует помнить: данная проблема появляется в тексте при особых, включая историко-социальный и культурный контекст, обстоятельствах.

Например, показателен опыт русской эмиграции 1920–1930-х гг. Формами проявления национальной идентичности в творчестве эмигрантов становятся национальные культурные константы, мифы, стереотипы, идеалы (тоска, душа, мужик, барин, идея русской удачи, жажда праздника и др.).

В методике школьного преподавания литературы рассказы И. А. Бунина из цикла «Темные аллеи» обычно рассматривают в контексте авторской концепции любви; на их примерах показывают художественные особенности бунинской прозы, языковые средства выразительности. Однако отражению национальной идентификации автора и его героев в рассказах пока еще не уделялось внимание методистов. Между тем для Бунина ментальность — чрезвычайно важный вопрос. В автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» есть эпизод, когда маленький Алеша в вечернем поле видит ворона:

«...отец сказал, очень поразив этим мое воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил еще при татарах... В чем заключалось очарование того, что он сказал и что я почувствовал тогда? В ощущение России и того, что она моя родина? В ощущение связи с былым, далеким, общим, всегда расширяющим нашу душу, наше личное существование, напомиающим нашу причастность к этому общему?»

<...> Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней...».

Так образ России в воображении будущего писателя соткался из вечернего пейзажа, ворона, Мама, из далеких преданий, и этот образ обладал большой творческой активностью.

В цикле «Темные аллеи» изображается любовь мгновенная и трагичная, раскрывается природа любви во всех ее поворотах, в ее «тайном тайных». Расшифровывая символику названия «Темные аллеи», исследователи обычно говорят о том, что в новеллах раскрываются «темные закоулки» подсознания, во власти которого находится любовь. «Темные аллеи» уже для юного Пушкина были символом любви:

*То на конце аллеи темной
Вечерней, тихую порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой...*

А. С. Пушкин. «Послание Юдину»

Однако Д. С. Лихачев дает другое толкование образа: «Тесно обсаженные липами сравнительно узкие аллеи были одной из самых характерных черт русских садов, особенно усадебных, и составляли их красоту. Нигде в Европе липы не сажались „стеной“ так, как они сажались в России, и эти „тесные“ аллеи лип стали для И. А. Бунина в известном смысле символическими» (Лихачев 2008: 311). Для писателя «темные аллеи» были символом ушедшей России, потому в рассказах часто описывается «пестрый сумрак сада», где происходят встречи и расставания влюбленных.

Предлагаемые читателю раздаточные листы с заданиями включают фрагменты рассказов и вопросы, которые помогут акцентировать внимание на художественном мире произведений И. А. Бунина, на тех образах и художественных средствах, в которых выражена национальная специфика. Они нацелены на то, чтобы научить школьников читать и «расшифровывать» заложенные в произведении культурные коды.

Задание 1

Рассказ «Поздний час» (1938 г.) посвящен возвращению героя в город своего детства и юности, где «в недоумении счастья» он испытал свою первую любовь. Его воспоминания импрессионистичны: первая встреча, тайное признание влюбленных во время пожара, ночное свидание. Спустя десятилетия герой идет по знакомым улицам за город, чтобы навестить могилу любимой.

Подумайте над значением данных фрагментов.

Фрагмент А.

«Мост был такой знакомый, прежний, точно я его видел вчера: грубо-древний, горбатый и как будто даже не каменный, а какой-то окаменевший от времени до вечной несокрушимости, — гимназистом я думал, что он был еще при Батье. <...> месяц был слева от меня, довольно далеко над рекой, и в его зыбком свете и в мерцающем, дрожащем блеске воды белел колесный пароход, который казался пустым, — так молчалив он был, — хотя все его иллюминаторы были освещены, похожи на неподвижные золотые глаза и все отражались в воде струистыми золотыми столбами: пароход точно на них и стоял. <...> В Париже ночи сырые, темные, розовеет мглистое зарево на непроглядном небе, Сена течет под мостами черной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трехцветные: белое, синее и красное — русские национальные флаги. Тут на мосту фонарей нет, и он сухой и пыльный».

Фрагмент Б.

«...в тот поздний час <...> ты ждала меня в вашем уже подсохшем к осени саду, и я тайком проскользнул в него: тихо отворил калитку, заранее отпертую тобой, тихо и быстро пробежал по двору и за сараем в глубине двора вошел в пестрый сумрак сада, где слабо белело вдали, на скамье под яблонями, твое платье, и, быстро подойдя, с радостным испугом встретил блеск твоих ждущих глаз.

<...> Когда я глядел вправо, я видел, как высоко и безгрешно сияет над двором месяц и рыбьим блеском блестит крыша дома. Когда глядел влево, видел заросшую сухими травами дорожку, пропадавшую под другими яблонями, а за ними низко выгладывавшую из-за какого-то другого сада одинокую зеленую звезду, теплившуюся бесстрастно и вмести с тем выжидательно, что-то беззвучно говорившую».

Фрагмент В.

«В Париже двое суток выделяется дом номер такой-то на такой-то улице изо всех прочих домов чумной бутафорией подъезда, его траурного с серебром обрамления, двое суток лежит в подъезде на траурном покрове столика лист бумаги в траурной кайме — на нем расписываются в знак сочувствия вежливые посетители; потом, в некий последний срок, останавливается у подъезда огромная, с траурным балдахином, колесница, дерево которой черно-смолисто, как чумной гроб, закругленно вырезанные полы балдахина свидетельствуют о небесах крупными белыми звездами, а углы крыши увенчаны кудреватыми черными султанами — перьями страуса из преисподней; в колесницу впряжены рослые чудовища в угольных рогатых пополах с белыми кольцами глазниц; на бесконечно высоких козлах сидит и ждет выноса старый пропойца, тоже символически наряженный в бутафорский гробный мундир и такую же треугольную шляпу, внутренне, должно быть, всегда ухмыляющийся на эти торжественные слова: Дай им вечный покой, господи, и да светит им вечный свет (лат.). Тут все другое. Дует с полей по Монастырской ветерок, и несут навстречу ему на полотенцах открытый гроб, покачивается рисовое лицо с пестрым венчиком на лбу, над закрытыми выпуклыми веками. Так несли и ее.

На выезде, слева от шоссе, монастырь времен царя Алексея Михайловича, крепостные, всегда закрытые ворота и крепостные стены, из-за которых блестят золоченые репы собора. Дальше, совсем в поле, очень просторный квадрат других стен, но невысоких: в них заключена целая роща, разбитая пересекающимися долгими проспектами, по сторонам которых, под старыми вязами, липами и березами, все усеяно разнообразными крестами и памятниками. Тут ворота были раскрыты настежь, и я увидел главный проспект, ровный, бесконечный». >>

» ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

- 1) Объясните символику моста в культурном сознании и, в частности, в данном тексте (фрагмент **А**). Как характеризует менталитет рассказчика описание моста в родном уездном городе и парижского моста?
- 2) Определите значение таких деталей, как калитка, скамья, яблоневые деревья, в описании сада, где происходит свидание влюбленных (фрагмент **Б**). Какую ассоциацию вызывает этот сад? Какова функция звезды? Сравните с описанием той же звезды, освещающей могилу любимой: *«Из-за стены же дивным самоцветом глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но немая, неподвижная»*.
- 3) В чем особенность похоронного обряда во Франции (фрагмент **В**)? Прокомментируйте функцию повтора слов *траурный* и *бутафория / бутафорский*, значение деталей в изображении катафалка и его возницы.
- 4) Объясните фразу *«Тут все другое»* применительно к похоронам в России. Для чего вводится описание кладбища и какие мысли оно навеивает?
- 5) Сделайте вывод о том, в чем состоит особое отношение русского человека к миру, каково его представление о счастье.

Задание 2

В рассказе «Холодная осень» (1944 г.) изложена пронзительная история любви, ставшая историей целой жизни. Она рассказана предельно лаконично: холодный осенний вечер, предшествующий расставанию двух влюбленных, его гибель на войне, горькие, тяжелые годы ее одиночества, «черного труда», скитаний с чужим ребенком.

Соотнесите фрагменты А и Б между собой и с общей идеей новеллы:

Фрагмент А.

«И вот настал наш прощальный вечер. После ужина подали, по обыкновению, самовар, и, посмотрев на запотевшие от его пара окна, отец сказал:

— Удивительно ранняя и холодная осень!

Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я подошла к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил,

откинувшись в кресло, рассеянно глядя на висевшую над столом жаркую лампу, мама, в очках, старательно зашивала под ее светом маленький шелковый мешочек, — мы знали какой, — и это было и трогательно и жутко».

Фрагмент Б.

«Девочка давно выросла, осталась в Париже, стала совсем француженкой, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне, служила в шоколадном магазине возле Мадлэн, холеными ручками с серебряными ноготками закрывала коробки в атласную бумагу и завязывала их золотыми шнурочками; а я жила и все еще живу в Ницце чем бог пошлет...»

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

- 1) Каким предстает прощальный семейный вечер во фрагменте **А**? Обратите внимание на детали и их функцию: самовар, жаркая лампа в доме и черное небо, остро сверкающие ледяные звезды за окном. Объясните, с какой целью автор и позднее повторяет описание звездного неба над влюбленными: *«стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами»*. Что символизируют звезды в этом рассказе? Сравните с образом звезды из рассказа «Поздний час».
- 2) Расскажите о «тайных мыслях и чувствах» членов семьи в этот момент, объясняя, почему автор использует словосочетания: *«сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными»*, *«с притворной простотой»*, *«рассеянно глядя»*, *«старательно зашивала»*, *«трогательно и жутко»*.
- 3) Чем отличаются семейные отношения во фрагменте **Б**? С какой целью, по-вашему, так подробно описаны не лицо, а руки девушки и их действия? Какова функция детали в этом эпизоде? Сравните с фрагментом **А**. Каково отношение автора к этой героине и как относитесь к девушке вы? Аргументируйте свой ответ.
- 4) Как вы понимаете фразу *«стала совсем француженкой»* применительно к русской девушке, живущей на чужбине? В чем подразумевается отличие *«совсем француженки»* от русской эмигрантки? Сделайте вывод относительно ментальных особенностей русского человека по этому рассказу.

Задание 3

В рассказе «Часовня» (1944 г.) мироощущение И. А. Бунина раскрывается с помощью характерной для его творчества образности, сгруппированной по принципу антитез: «жизнь — смерть» и «прошлое — настоящее/будущее».

«Летний жаркий день, в поле, за садом старой усадьбы, давно заброшенное кладбище, — бугры в высоких цветах и травах и одинокая, вся дико заросшая цветами и травами, крапивой и татарками, разрушающаяся кирпичная часовня. Дети из усадьбы, сидя под часовой на корточках, зоркими глазами заглядывают в узкое и длинное разбитое окно на уровне земли. Там ничего не видно, оттуда только холодно дует. Везде светло и жарко, а там темно и холодно: там, в железных ящиках, лежат какие-то дедушки и бабушки и еще какой-то дядя, который сам себя застрелил. Все это очень интересно и удивительно: у нас тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках,

а они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; дедушки и бабушки все старые, а дядя еще молодой...

— А зачем он себя застрелил?

— Он был очень влюблен, а когда очень влюблен, всегда стреляют себя...

В синем море неба островами стоят кое-где белые прекрасные облака, теплый ветер с поля несет сладкий запах цветущей ржи. И чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна».

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

- 1) Что постигают «дети из усадьбы» и что открывается рассказчику при виде старой часовни? Как вы понимаете фразу «...нам жутко, но и весело...» в отношении к смерти?
- 2) Докажите, что для русского сознания характерна тесная связь человека с окружающим миром, восприятие мимолетности человеческого существования в контексте вечной жизни природы.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ХАРАКТЕРА

- 1) Изображение и функция усадебного сада в рассказах цикла «Темные аллеи» («Муза», «Руся», «Антигона», «Таня», «Натали» и др.).
- 2) Инонациональные характеры в цикле «Темные аллеи» («Камарг», «Сто рупий», «Весной в Иудее» и др.).
- 3) Функция литературных цитат в рассказах цикла «Темные аллеи» («В одной знакомой улице», «Холодная осень», «Качели», «Чистый понедельник» и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Лихачев 2008 — Лихачев, Д. С. (2008). Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Санкт-Петербург.

Ирене Кяосаар: «Дадим человеку самому решать, кто он»

БЕСЕДУ ВЕЛИ ОЛЬГА БУРДАКОВА И ЕЛЕНА НЫММ

Ирене Кяосаар не нуждается в представлении нашим читателям. И педагоги детских дошкольных учреждений, и учителя школ хорошо знают ее по многолетней работе в Министерстве образования и науки. С сентября 2017 года она возглавила Фонд интеграции. Накануне празднования 100-летия Эстонской Республики мы встретились с Ирене, чтобы поговорить о вопросах национально-культурной идентичности, личном опыте самоопределения и эстонской политике интеграции.

Важен ли для Вас вопрос национально-культурного самоопределения?

Для меня как для человека? Я об этом много в жизни думала. Как вы, наверное, знаете, я из двуязычной, двукультурной семьи. Мой отец был эстонец, мама — русская. С отцом я всегда говорила только на эстонском языке, с мамой до сих пор только на русском. Хотя она отлично владеет эстонским, так что нет никакого языкового барьера, и иногда мы переходим на эстонский... Но это уже совсем другая, не менее интересная тема: в каких ситуациях человек переходит на другие языки.

Я уже с детства размышляла: кто я — эстонка или русская? Если мы говорим о государственной принадлежности, то я, конечно, эстонка. У меня всегда был эстонский паспорт. Я никогда не считала себя связанной с каким-то другим государством, с какой-то другой государственной и общественной культурой. Тут вопросов нет. А вот что касается национально-культурной идентичности, то однажды я для себя решила, что на этот вопрос мне не надо отвечать: я себя чувствую наполовину русской, наполовину эстон-

ФОТО ИЗ АРХИВА ФОНДА ИНТЕГРАЦИИ

ИРЕНЕ КЯОСААР. ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XIV ФЕСТИВАЛЕ КУЛЬТУР НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (Йыхви, сентябрь 2017 года).

кой. Национальная идентичность — это ведь не единственная идентичность, которая для меня важна. Есть много других идентичностей, составляющих меня: я — «мама», я — «сотрудник», я — «друг». Конечно, национальная идентичность играет роль в моей жизни: неслучайно я столько думала об этом и пришла к выводу, что больше не буду думать, а буду просто жить в двухкультурном обществе. Одним словом, в какой-то мере это для меня важно, но ежедневно я об этом не думаю, не ставлю себя в какие-то рамки. И часто бывает так: если говорят что-то хорошее про эстонцев — я горжусь, не очень хорошее — я злюсь, если говорят про русских здесь в Эстонии хорошее — я горжусь, если говорят что-то плохое — я сержусь. Можно сказать, что я нахожусь по обе стороны. И сама очень довольна тем, что мне жизнь дала такую возможность. Мне кажется, что это очень обогащает мир человека и в культурном разнообразии, и в каком-то общем понимании мира. Потому что ты как-то всё время смотришь на всё со стороны: и с эстонской стороны, и с русской. И думаю, что это не мешает. Как языки не мешают (чем больше языков ты знаешь, тем лучше), так и культурное разнообразие, глубинное понимание культур не мешает, а помогает. Речь идет не просто о знаниях традиций одной и другой культур, взятых из учебника, а о понимании людей, живущих ежедневно в одной или в другой культуре.

Вы говорите, что когда-то, в какой-то момент пришло это принятие и одной, и другой культуры, сформировалась бикультурная идентичность. Что стало импульсом для того, чтобы принять эту мысль, эти чувства?

Я — «ЧЕЛОВЕК ЛЮДЕЙ», СКАЖЕМ ТАК. ДЛЯ МЕНЯ ЛЮДИ ОЧЕНЬ ВАЖНЫ. ДЛЯ МЕНЯ ОТНОШЕНИЯ ОЧЕНЬ ВАЖНЫ. Я ВООБЩЕ ДУМАЮ, ЧТО ВЕСЬ МИР СТОИТ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ. ЕСЛИ ЭТО НЕ СЛИШКОМ СТЕРЕОТИПНО ЗВУЧИТ: НА ЛЮБВИ, УВАЖЕНИИ — НА ТАКИХ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ.

Конечно, с одной стороны, для меня многое значит то, что я получила образование на эстонском языке. Я эстонский филолог по специальности. Училась в абсолютно эстоноязычной и эстонской культурной среде. Отсюда логичен круг моих друзей: в основном они эстонцы. Школьные друзья, университетские. Дальше уже в жизни я приобрела и русских друзей, но они как-то немножко позже пришли. А с другой стороны — мама, которая для меня сыграла роль носителя русской культуры и, если можно так сказать, русского отношения к жизни. Причем она тоже родилась в Эстонии — в Печорах (в то время, когда Печоры были частью Эстонии), она коренная гражданка Эстонии, прожила здесь всю жизнь. Но она всегда говорила, что ее родина — это русская культура. Родная страна для нее — Эстония.

А вот та душевная страна, с которой она связана, — это русская культура. Не Россия, а русская культура. И вот мама прививала нам русскую культуру дома. Не то чтобы она нам с утра до вечера Достоевского читала или Чехова, но своим отношением, тем, что она говорила с нами на русском языке... Те, кто оказываются в такой многоязычной семье, знают, что это не всегда легко — поддержать разные языки дома. Особенно той половине, которая не является доминирующей. Моя мама с русским языком не была доминирующей половиной. Вокруг было эстонское общество, Эстония, эстонская система образования. Конечно, в школе изучали русский язык, он был обязательным предметом у всех в советское время (я закончила школу в 1988 году, так что прошла общеобразовательную школу в советское время), но это трудно было назвать обучением языку. Таким образом, с одной стороны — люди (друзья, общество), с другой стороны — дом, мама, которая всегда уважала всё русское, всегда об этом говорила, для нее это было важно. Я, кстати, до сих пор слушаю русские песни: еду в машине — только русская музыка звучит. Потому что я очень хочу говорить на русском, я очень хочу слушать русский, но в реальной жизни получается так: 80% на 20%, даже, может быть, больше — 90% на 10%. 90% — эстонский, 10% — русский. Несмотря на то что я должна была бы по своей должности говорить со всеми русскими в Эстонии на эстонском языке — стараться дать модель эстонского языка, я очень быстро переключаюсь в общения на русский, потому что мне очень хочется самой на нем говорить. Когда я долго не говорю, я чувствую, что язык ржавеет. Любой язык ржавеет, если на нем не говоришь

постоянно. И даже если я несколько недель не говорила по-русски, начинаю говорить и чувствую: вот — опять слово забыла! Таким образом, мой ответ: люди. Люди, между которыми я никогда не должна была делать выбор, которые воспринимали меня такой, какая я есть. И даже в то время, когда, может быть, не очень популярно было — в 1980-е годы, в начале 1990-х — я никогда не скрывала, очень ценила и всегда гордилась своей русской половиной. И во всяком случае те люди, которые меня окружали, всегда мне даже немножко завидовали, тому, что у меня вот такая вторая половина есть. Всего один раз в жизни я должна была выбирать национальность: когда в 16 лет получала красный паспорт. В то время в паспорте была графа «национальность» (сейчас её нет), поэтому в 1986 году я должна была выбрать, кто я. Я, конечно, ска-

зала «эстонка» в то время. Да и сейчас сказала бы то же самое. Если я заполню какие-то анкеты, я, конечно, пишу «эстонка».

Вы рассказывали о том, что в детском, подростковом возрасте какое-то время размышляли о своей национальности. Считается, что национально-культурное осознание себя вообще приходится на подростковый возраст. Как вы думаете, нынешнему молодому поколению эстонцев проще или сложнее найти свою идентичность, чем эстонской молодежи, которая искала свои национальные корни в советский период?

Здесь, мне кажется, сколько людей — столько разных мнений. И это опять-таки очень личный вопрос. Это, наверное, очень интересная тема для научного исследования: как нынешняя молодежь себя определяет? Вот у меня два сына. Хотя они, может быть, к нынешней молодежи уже и не относятся — им исполнилось 26 и 23, и если мы говорим о подростковом возрасте, то они из него 10 лет тому назад вышли... Но, если я смотрю на них или вообще на молодежь вокруг меня, мне кажется, что сейчас этот вопрос для них не столь актуален. Мир вообще стал более открытым, происходит глобализация — и мы уже не говорим: «Ты эстонец, русский, украинец в Эстонии, — или вообще, — кто ты по национальности». Молодежь больше ощущает себя европейцами, я думаю. Особенно, когда молодые люди находятся в Эстонии. Я думаю, когда они выезжают за границу, все сразу становятся эстонцами. Впрочем, и русские тоже, насколько я слышала, когда выезжают за пределы Эстонии, говорят: «Мы из Эстонии, мы эстонцы». А когда мы находимся здесь, больше «работает» такой европейский подход. И мне кажется, что национальный вопрос вообще как-то менее важен для нынешней молодежи. В то время, когда я была в таком возрасте (мы говорим о второй половине 1980-х, 15 мне исполнилось в 1985 году), в Эстонии этот вопрос входил в общественную культуру и в политическую ситуацию. Все должны были решать, кто они, идут они с эстонским государством или не идут. Современные СМИ, мне кажется, сейчас во многом искусственно поднимают национальный вопрос. Как я уже говорила: человеку совсем необязательно всегда соотносить себя с определенной национальной группой. Мне кажется, что нынешней молодежи легче, потому что у них нет такого прессинга. Они живут в свободном мире, в свободном пространстве. Большую роль в самоопределении играют медиа, информационная сфера. А доступ к ним у нас открыт: хочешь — читаешь русские сайты, хочешь — английские, хочешь — немецкие, хочешь — эстонские... А с другой стороны, эстонская молодежь >>

» в последнее время меня в позитивном смысле удивляет, радует. Например, история с молодежным танцевальным праздником, о которой так много говорили. Выступление отменили, и молодые люди сами пришли на площадь Свободы в Таллинне и стали танцевать эстонские национальные танцы. Но я не знаю, что это было: это был национальный всплеск («Мы эстонцы, мы сейчас пойдем и покажем!») или это такой молодежный «fun» («Мы уже вышли, что же теперь возвращаться домой? Давайте пойдем сделаем что-нибудь значимое!»). Чего там было больше, чего меньше — трудно сказать... Сейчас, конечно, многие говорят о том, что это свидетельство гражданского самосознания эстонской молодежи (там, впрочем, не только эстонцы были, но и много было русских по национальности). В целом, я думаю, сейчас молодежи легче. И система образования этому способствует: постепенно, постепенно сливаются эстонские и русские школы, а это значит, что возникают контакты между людьми.

Вы долгое время руководили Отделом образования национальных меньшинств и стояли у истоков программы языкового погружения... Нередко высказываются опасения, что обучение в раннем возрасте на неродном языке может привести к тому, что ребенок будет испытывать трудности в культурном самоопределении: не приобщится ни к одной, ни к другой культуре — станет маргиналом. Оправданны ли эти опасения, по Вашему мнению?

Это, конечно, не так. Несмотря на то что образование (если мы говорим в широком смысле об интеграции) — это самый-самый важный ключ к интеграции, образование — это то, через что мы можем повлиять на интеграцию, человек все же приходит в школу из дома, из семьи. Каждый ребенок приходит в школу, в детский сад из дома. Дом, семья приобщают к культуре. Как я уже сказала, я сама училась в стопроцентной эстонской среде, на всех этапах обучения — вплоть до магистерского. Несмотря на это, я двукультурна, двуязычна. Благодаря маме, дому. Только один человек сделал так, что я говорю по-русски. Основы культуры закладываются в семье. Если в доме этого нет, школа не создаст. Если дома всё это есть, школа может поддержать. И если говорить о методике, то языковое погружение построено так: русский язык всё время занимает важное место (даже тогда, когда на нем еще не учатся), статус его всё время высок. А со второго класса ведется обучение уже и русскому языку как родному, затем появляются и другие предметы на русском языке. С середины программы половина предметов ведется на эстонском языке, половина — на русском. И когда я встречаю сейчас выпускников (у нас в 2012 году был первый выпуск учени-

ков в гимназиях раннего погружения, на сегодняшний день состоялось уже пять выпусков, шестой будет в этом году) и беседую с ними, я понимаю, что они все русские. Конечно, если у них спросить «Кто ты?», я не знаю, как они ответят, потому что это молодые люди, и глобализация, о которой мы говорили, делает свое дело. Но они говорят очень свободно по-эстонски. Они чувствуют себя в этом обществе уверенно. Так что нет, я не соглашусь.

Я ДУМАЮ, ЧТО ЯЗЫКОВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ — ЭТО ТА ПРОГРАММА, КОТОРАЯ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ДВУКУЛЬТУРНОГО И ДВУЯЗЫЧНОГО РАЗВИТИЯ. НИКАКОЙ ЯЗЫК НЕ МОЖЕТ МЕШАТЬ ДРУГОМУ. ОН ТОЛЬКО ОБОГАЩАЕТ. ЯСНО, ЧТО ДЕЛАТЬ ЭТО НАДО МЕТОДИЧЕСКИ КОРРЕКТНО, НО В ЯЗЫКОВОМ ПОГРУЖЕНИИ ЭТО ТАК И ДЕЛАЕТСЯ. И САМОЕ ВАЖНОЕ, ЧТО СОХРАНЯЕТСЯ РАВНЫЙ СТАТУС У ОБОИХ ЯЗЫКОВ.

Вы оценили сейчас результаты программы раннего языкового погружения. А если бы мы оценивали результаты программы позднего языкового погружения?

Позднее погружение дает схожие результаты. Раннее погружение дает немного лучшие результаты, поскольку оно легче для ребенка и легче для школы. Начинается оно с работы с одним учителем в начальных классах, и когда ребенок подходит к возрасту, в котором его несколько учителей обучают разным предметам, он уже владеет языком на таком уровне, что справляется с учебой.

В ПОЗДНЕМ ЯЗЫКОВОМ ПОГРУЖЕНИИ ВАЖНО, ЧТОБЫ У УЧЕНИКА БЫЛА МОТИВАЦИЯ.

Если в раннее погружение можно отдать любого ребенка (когда ты не говоришь ему: «Знаешь, у нас тут будет другой язык, тебе будет сложно», ребенок и не поймет, он просто в игре, в ситуации, в действии научится и языку, и предмету), то в позднем языковом погружении мы имеем дело уже как минимум с 13-летними детьми (если оно начинается с 7-го класса или с 6-го), и у них нужно, прежде всего, создать соответствующий настрой. У самого ученика должна быть мотивация к изучению языка. Если она у него есть, то в этом возрасте человек учится больше аналитически. У него уже есть навыки обучения, он учится более систематично. Когда взрослый человек начинает учить язык, у него формируется определенная система — у каждого своя. Поэтому в позднем языковом погружении ученики тоже показывают хорошие результаты. Это как в начале обучения в Тартуском университете. Когда человек приходит изучать медицину (многие русские, как вы знаете, поступают на медицинский), если у него есть желание учиться, мотивация, он справляется. Студенты

говорят, что после первого семестра вообще нет языковых проблем. А первый семестр просто надо пережить. К нему надо быть готовым: первые три-четыре месяца будет очень сложно, но, если я пройду через это, потом будет гораздо легче. И будет! Так что результаты в позднем погружении такие же. Но подход к обучению должен быть другим, потому что возраст другой.

В 2017 году Вы возглавили Фонд интеграции. Как это изменило Вашу жизнь?

В какой-то мере могу сказать, что не изменило. Потому что в Министерстве образования я 10 лет так или иначе занималась национальными меньшинствами: два первых года возглавляла Отдел национальных меньшинств, потом 8 лет — Отдел общего образования. Но все вопросы, касающиеся национальных меньшинств, с исчезновением специального отдела перешли в Отдел общего образования. Поэтому, как я работала, например, с воскресными школами национальных культур, так и продолжила

ими заниматься. Таким образом, я очень плавно перешла с одной работы на другую. Всех людей я знала. Опять люди! На каждом месте работы самое главное — создать сеть контактов. Она у меня была.

В какой-то мере я немножко скукаю по сфере образования, потому что сейчас в кругу моих профессиональных обязанностей меньше тем, связанных с образованием. Но если есть возможность включиться в какой-то проект или обсуждение, которое касается образования, я всегда с удовольствием это делаю. С другой стороны, я теперь глубже могу погрузиться именно в сферу интеграции. Если в Отделе образования решение вопросов русского образования было лишь одной в числе других задач (например, разработка программ для детей с особыми потребностями, поправки к Закону о детских дошкольных учреждениях и т. д.), то теперь я могу сконцентрироваться именно на вопросах интеграции. Так что я чувствую себя очень хорошо.

ФОТО ИЗ АРХИВА ФОНДА ИНТЕГРАЦИИ

ПРЕЗИДЕНТ ЭСТОНИИ КЕРСТИ КАЛЮЛАЙД И ДИРЕКТОР ФОНДА ИНТЕГРАЦИИ ИРЕНЕ КЯОСААР С НАРВСКИМИ И ВЫРУСКИМИ ШКОЛЬНИКАМИ (Выру, Выруская детская библиотека, октябрь 2018 года).

В моей жизни вообще выделяются такие периоды — в среднем по 8 лет каждый. 7 лет я работала учителем эстонского языка в русскоязычной школе, 8 лет затем руководила программой языкового погружения, потом в министерстве — 10 лет, то есть в моей жизни обнаруживаются такие циклы. Видимо, в какой-то момент ты чувствуешь, что отдал всю себя этой теме, этой работе, и тебе необходимо что-то новое. Я думаю, что это изменение было очень полезно для меня лично, необходимо в моем развитии.

Я надеюсь, что и тема эстонского образования, особенно когда будут открыты Дома эстонского языка — в Нарве и Таллинне — в конце этого года, останется важной. Я очень надеюсь, что и учителя, и ученики будут желанными гостями в этих домах, в которых можно будет посещать какие-то клубы, мероприятия, поддерживающие развитие эстонской речи, дающие ежедневное общение в нормальной ситуации. С другой стороны,

Дома эстонского языка дадут людям возможность лучше узнать Эстонию (через экскурсии, например). В том числе и учителям. Так что я не забываю своих учителей.

Мы правильно понимаем, что штаб-квартира Фонда интеграции находится в Нарве?

Сейчас еще в Таллинне, но в течение этого года мы будем переезжать и в конце этого года мы должны переехать — это решение правительства. В рамках программы правительства по выводу разных учреждений из Таллинна.

Но Вы сами в Нарве так часто бываете, что уже и не гость даже...

У нас сейчас есть офис здесь на ул. Кересе. Я просто очень люблю Нарву сама и теперь уже чувствую, что это взаимно: Нарва меня тоже любит. Часто даже в магазине ко мне подходят, начинают говорить — чувствуешь, что

домой приезжаешь. Я сама с удовольствием перееду в Нарву. Точно буду еще больше здесь проводить времени. Это будет в конце этого года.

Если оценивать программу интеграции, её актуальность для общества Эстонии... Мы часто связываем цели этой программы с национально-культурными меньшинствами и понимаем, что интеграция — это добровольный выбор национально-культурных меньшинств, который позволяет сохранить свою родную культуру и приобщиться к культуре большинства. Важно, что это выбор не по принуждению, а добровольный (как, например, Вы рассказывали нам о своей семейной ситуации, о роли родителей). Тем не менее, Джон Берри, который эту теорию предложил, говорил о том, что этот добровольный выбор, конечно, должен быть поддержан обществом, доминирующей в обществе национально-культурной группой. И если эта группа разделяет идеологию мультикультурализма, признает необходимость разных культур... >>

ИРЕНЕ КЯОСААР НА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ (Нарва, Нарвский колледж Тартуского университета, 21 февраля 2018 года).

» **тур для общества, то тогда эта модель работает. Как Вам кажется, общество Эстонии поддерживает идеологию мультикультурализма и помогает ли добровольно выбрать путь интеграции?**

Это если не самый важный вопрос в процессе интеграции, то один из самых важных. Вы начали с программы. Первая программа интеграции была принята в 1998 году, нынешняя программа действует до 2020 года, сейчас уже мы начинаем составлять следующую программу. И каждая следующая программа всё больше и больше внимания обращает на общество, в том числе на эстоноязычное население. Я думаю, что это знак времени. Мы не можем сказать, что люди, которые писали в 1990-е годы первую программу интеграции, делали что-то неправильно. Они были в своем времени, в своей исторической и политической ситуации (мы не должны забывать, что интеграция — это часть политического, исторического общества). Я не могу судить: сделали они правильный или неправильный выбор в то время.

СЕГОДНЯ В ПРОГРАММЕ ИНТЕГРАЦИИ МЫ УМЕНЬШАЕМ РОЛЬ ЯЗЫКА.

Интеграция ведь начиналась с такой идеи: самое главное, чтобы русскоязычное население выучило эстонский язык. Если выучит — то будет счастье на эстонской земле и солнце будет сиять с утра до вечера. Увидели, что не сияет. Язык, конечно, важен — спора нет. Но язык — не единственное. Я думаю, что мы всё больше и больше идем к тому, чтобы эстоноязычное население стало более открытым. Опять-таки если говорить о молодежи, мне кажется, что для нее вообще неважно, кто ты по нацио-

нальности. Если я прихожу, например, в школу, там не имеет значения, как ты себя называешь. Если ты нормальный парень, я с тобой пойду играть в футбол, кто бы ты ни был по национальности. Другие ценности. Я думаю, что общество идет к этому. Конечно, есть очень разные политические силы, и в обществе есть разные мнения. Это часть демократического общества: есть разные взгляды, свобода слова.

НО ЕСЛИ МЫ ОЦЕНИВАЕМ ИНТЕГРАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ В ЦЕЛОМ, ТО, Я СЧИТАЮ, МЫ НЕ МОЖЕМ, РЕШАЯ ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ, ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО О РУССКИХ, УКРАИНЦАХ, ГРУЗИНАХ, ЕВРЕЯХ. ВСЕГДА В ЭТОМ СПИСКЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ И ЭСТОНЦЫ. КУДА ИНТЕГРИРОВАТЬСЯ, ЕСЛИ НЕТ ЭТОГО ОБЩЕСТВА?

«Давайте интегрируйтесь, а мы тут посидим посмотрим, как вы интегрируетесь!» Куда тогда интегрироваться?! Это невозможно. Так что мы на пути. Я думаю, что ситуация не идеальная. Мы очень самокритичны в Эстонии (независимо от национальности). Критикуем систему образования. Критикуем интеграцию: «Процесс интеграции прова-

лился! 25 лет туда вкладывали огромные деньги — это не дало результатов!» Но если мы посмотрим на то, что сделали: в целом, мне кажется, мы прошли хороший путь, хотя он еще не закончился. Однако, по моему мнению, эстонцы становятся все более и более открытыми.

К СОЖАЛЕНИЮ, В ЧЕМ Я ВИЖУ СЕРЬЕЗНУЮ ПРОБЛЕМУ — ЭТО В СЕГРЕГАЦИИ И В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ, И ПО МЕСТУ ПРОЖИВАНИЯ (ЖИЛЬЮ).

Ты рождаешься (я немножко утрирую, но исключение, как известно, подтверждает правило) в Нарве или Ласнамяэ — в районах, где больше русскоязычного населения. Ты зачастую не владеешь на высоком уровне эстонским языком, у тебя может быть менее престижная работа, заработная плата не такая высокая, как у эстонцев. Это значит, что ты не купишь дом в Виймси — у тебя просто не хватит денег. Ты купишь квартиру в Ласнамяэ, Нарве, Йыхви или в Силламяэ. Таким образом, ты останешься там же. Чтобы выпрыгнуть из этой сегрегационной ловушки, ты должен сделать какой-то очень сильный рывок. И некоторые с этим справляются. Никто ведь не заставляет покупать квартиру в Нымме, в центре Таллинна, Тарту, Пярну, Выру... Но у тебя в какой-то мере изначально нет выбора.

Когда я участвовала в конкурсе на должность директора Фонда интеграции, комиссия меня спросила: «Если бы у Вас была волшебная палочка и одно желание для улучшения интеграции в Эстонии, что бы Вы загадали?». И тогда я как раз сказала: «Я бы пожелала, чтобы эстонцы и русские жили бы в Эстонии вперемешку, чтобы вот эту сегрегацию жилья ликвидировать». Потому что я думаю, что тогда всё другое исчезнет само собой.

Нам нередко приходилось слышать, как представители русскоязычной молодежи называют себя «эстонцами», поскольку они родились и всю жизнь прожили в Эстонии, зачастую не выезжали в Россию, последняя для них — соседнее, но чужое государство, с которым они не связаны никакими связями. При этом эти молодые люди плохо говорят по-эстонски, поверхностно знают эстонскую культуру, возможно, не выезжали за пределы своего уезда. Как Вы думаете, готовы ли этнические эстонцы признать за этой группой право так себя называть?

Да, я была в ситуациях, когда, действительно, люди, которые, может быть, даже языком не очень владеют, называли себя «эстонцами». Я думаю, что этот вопрос отчасти связан с предыдущим. Очень много говорили в прессе о том, как вообще называть русских,

ИРЕНЕ КЯОСААР НА МОЛОДЕЖНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «KOGUKONNAGARANTII» (Тарту, 9 ноября 2017 года).

проживающих в Эстонии. Наконец придумали термин «эстонский русский». Мне лично кажется, что это абсолютное право каждого человека: выбрать самоназвание. У нас есть эстонцы, которые живут в Канаде, не знают ни одного эстонского слова, но они эстонцы. Мы почему-то не спрашиваем: «Постой! А где твой эстонский?! Как ты себя можешь называть эстонцем?!». Получается, что язык — не самое главное в самоопределении. Но я понимаю, там корни. Я думаю, что многие со мной сейчас сразу стали бы спорить и говорить, что такой пример вообще некорректен.

Если вы спрашиваете, готово ли эстонское общество принять такое самоназвание местных русских, то я думаю, что молодые готовы, для них это вообще не проблема. Общество в целом, может быть, не готово. Но постепенно мы, очевидно, примем... К сожалению, у нас эта тема слишком политизирована. Через год у нас республиканские выборы — и будет новый виток обсуждений. Если бы это был только общественный процесс, без всяких политических столкновений, то, я думаю, что не было бы вообще проблемы. На мой взгляд, мы на пути к тому, чтобы дать каждому человеку свободу решить, кто он в разных вариантах. У нас же сейчас не только национальная идентичность обсуждается в обществе.

ДАДИМ ЧЕЛОВЕКУ ВОЗМОЖНОСТЬ САМОМУ РЕШИТЬ, КТО ОН. ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ ДАВАТЬ КАКИЕ-ТО СОВЕТЫ И ВМЕШИВАТЬСЯ?!

Совсем недавно вышла в свет книга Михкеля Рауда «Справочник эстонца, или 100 вещей, которые делает правиль-

ный эстонец». Как бы Вы ответили на шуточный вопрос: «Что делает настоящий эстонец?»

Во-первых, настоящий эстонец говорит только на эстонском языке и никогда не использует никакие интернациональные слова. Исключим всякие «чао», «окей», «привет» и др. Я немножко утрирую, но вообще-то английский язык все больше и больше влияет на эстонский, так что настоящий эстонец говорит только на чистом эстонском языке.

Во-вторых, он, конечно, каждое утро и вечер ест «каму» и закусывает бутербродом с килькой и яйцом.

Ну и, в-третьих, наверное, символика еще важна. Сейчас символика вообще в центре внимания, поскольку обсуждается закон о гимне. Настоящий эстонец ходит в сине-черно-белых цветах.

Может, если бы немного больше подумала, то были бы более смешные ответы. А так это первое, что приходит на ум, — язык, еда и символика. И вот эти цвета: синий, черный, белый — конечно, тоже важны для нас. Здесь вопросов нет. Я же не в шутку оделась сегодня так. Просто мне оказали честь: меня пригласили на церемонию вручения президентом орденов. И, конечно, я специально сегодня так оделась. Я думаю, что на президентском приеме в этом году будет половина дам в сине-черно-белых туалетах. Посмотрим, это будет интересно. В этом году особенно, поскольку мы отмечаем столетие.

Спасибо за откровенный разговор! 🇳🇮

Обзор главы «Миграция, изменения идентичности и языка» из доклада о развитии человеческого потенциала 2016 / 2017 гг. «Эстония в эпоху миграции»

Verschik A. Ränne, identiteedi- ja keelemuutused. Eesti rändeaajastul. *Eesti inimarenguaruanne 2016/2017*. Tallinn: Eesti Koostöö Kogu, 165–210.

URL: <https://inimareng.ee/>

ЛАРИСА ДЕГЕЛЬ

Доклад о развитии человеческого потенциала — документ, описывающий социально-экономическое развитие Эстонии. Последняя версия доклада появилась 1 июня 2017 г. Основной посыл документа следующий: без иммиграции численность населения Эстонии не сохранить, поэтому необходимо решить, будем мы пассивно принимать ситуацию или управлять процессом миграции с пользой для себя. В центре внимания представленного ниже обзора одной из глав доклада — самые актуальные темы последних лет: миграция, язык и культура, идентичность. Автор главы Анна Вершик отвечает на наиболее острые вопросы. Несет ли современный открытый мир опасности для эстонского языка? Как определить свою идентичность? Как измерить уровень знания языка? Что такое «многоязычность»? Можно ли считать человека многоязычным, если языки он выучил во взрослом возрасте? Как лучше обучать языкам? Эффективен ли при изучении языков принцип «чем больше занятий, тем лучше»?

Язык рассматривается в его связи с разными гранями существования человечества: знание языка и владение им, выбор языка и самоопределение, сохранение и защита языка.

Во-первых, в главе обсуждается вопрос о сохранении языка, сохранении и защите эстонского языка. Надо ли сохранять язык? С одной стороны, защита эстонского языка — задача и цель, прописанная в Конституции Эстонской Республики и обозначенная во многих других законодательных актах. От чего надо защищать эстонский язык? Что вообще может угрожать языку? Автор главы перечисляет фак-

торы, которые могут подвергать язык опасности:

- нежелание ассоциировать себя с носителями языка;
- плохое отношение к носителям языка и желание дистанцироваться от группы носителей языка;
- трудности употребления языка в чужой языковой среде (узкий круг возможного общения, нехватка времени, нежелание что-либо предпринимать и др.);
- радикальные или трагические ситуации, ставящие под угрозу физическое выживание носителей языка (репрессии, депортации, геноцид и др.).

Автор главы подчеркивает: все вышеперечисленные риски совершенно не лингвистического происхождения; они вовсе не связаны с языком и его сущ-

ностью — все риски исходят только извне. А это значит, что и сохранение языка не может ограничиваться только сохранением неизменными слов и грамматических форм. Сохранить язык — это значит стремиться передать его следующим поколениям.

Во-вторых, в главе рассматривается вопрос о миграции и языке. В этой связи очень важно, к какой группе хотят примкнуть новые иммигранты, с какой группой они себя ассоциируют. Опасно, если новые иммигранты приспособятся к уже сложившейся сегрегационной модели, по которой более успешные молодые, в основном прибывающие из Европы иммигранты предпочитают общение и сближение с эстонцами, а люди, прибывающие с территорий по восточную сторону от Эстонии, выбирают русскоговорящее окружение и селятся в русскоязычных регионах, усиливая разобщенность. Существует, однако, вероятность, что

прибывшие из Европы иммигранты, несмотря на эстонговорящую среду, так и не станут говорить по-эстонски, а скорее предпочтут общение на английском. Молодые эстонцы владеют английским языком на очень хорошем уровне — этот факт существенно поддерживает развитие именно такого сценария. Исключение составляют лишь единичные представители интеллигенции и активисты общественного движения, покинувшие Россию по политическим причинам: они действительно могут соотносить себя с русскими, но при этом не связывать с Россией как с государством, считая политический климат Эстонии более подходящим.

Третья тема — идентичность. Владение эстонским языком для эстонцев — это одна из важных граней идентичности. Но вопросы идентичности гораздо сложнее, чем просто идентификация себя с эстонцами, неэстонцами, русскими или другими группами только на основе языкового критерия. Среди тех, кто говорит по-русски, могут быть люди, совершенно по-разному позиционирующие себя. Например, человек с весьма скромным знанием эстонского языка может связывать себя, свои корни, семью и язык только с Эстонией. Автор главы подчеркивает: идентичность стоит рассматривать не как строго предопределенное и однозначное понятие (например, принято считать, что если родители эстонского

происхождения, то ребенок — эстонец), а скорее как желание, осознанное стремление быть связанным с какой-либо определенной группой, языком, обществом. То есть идентичность — это сознательное желание принадлежать к какой-либо группе, разделять с этой группой общие для всех ее представителей ценности. Человек может испытывать принадлежность одновременно к нескольким группам либо разделять только часть ценностей группы. По этим причинам идентичность стоит рассматривать как некоторую шкалу, на противоположных полюсах которой располагаются более четкие определения (эстонец, русский, зарубежный эстонец), а между ними — промежуточные, более комплексные состояния (эстонский русский, двуязычный эстонец и др.).

Поскольку все предыдущие вопросы так или иначе связаны с языком, то читатели главы найдут в ней ответы на вопросы о многоязычии (или способности владеть несколькими языками). Что же такое «многоязычие» на самом деле? Кого мы можем называть многоязычным? Многоязычен ли человек, выучивший или изучающий языки? Бытует мнение, что «истинно» многоязычен только тот, кто владеет несколькими языками в равной степени хорошо и/или научился этим языкам в самом раннем детстве. Верно ли считать, что неэстонец, выучивший

эстонский язык, все же не вправе именовать себя эстонцем? Современное языкознание не рассматривает многоязычие как равно хорошее владение разными языками либо равно глубокое знание разных языков; ранний возраст также не признается обязательным критерием многоязычия. В современном мире акцент сместился на способность использовать язык: способность общаться, используя язык на таком уровне, который позволяет решать необходимые текущие задачи. Это и есть главный критерий в определении многоязычия.

А как же тогда обучать языкам? Вопреки распространенному мнению, что обучение языку тем эффективнее, чем больше объем занятий, автор главы приводит читателей к мысли, что больший объем занятий не гарантирует успеха: гораздо большую роль в эффективности обучения языку играет мотивация использовать изучаемый язык и готовность выходить за рамки привычного круга общения.

Нет никаких сомнений в том, что читатели документа со сложным названием **«Доклад о развитии человеческого потенциала»** сделают много интересных и увлекательных открытий и развенчают множество мифов.

Русская община Эстонии: в поисках духовных опор и ориентиров

Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). Под ред. С. Г. Исакова. Тарту – Санкт-Петербург, 2001. 448 страниц. ISBN 9985-60-904-2

Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского зарубежья. Сост. С. Г. Исаков, Т. К. Шор. Том 1. 1918–1931. Таллинн, 2016. 612 страниц. ISBN 978-9949-9747-3-3 (I том).

Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского зарубежья. Сост. С. Г. Исаков, Т. К. Шор, Т. Т. Гузаиров. Том 2. 1932–1940. Таллинн, 2017. 724 страницы. ISBN 978-9949-9747-5-7 (II том).

ОЛЬГА БУРДАКОВА, ЕЛЕНА НЫММ

Идеи издания представляемых вниманию читателя книг принадлежат профессору-эмеритусу Тар-

туского университета Сергею Геннадиевичу Исакову (1931–2013). В подготовке этих изданий он принимал непосред-

ственное участие. Коллективная монография «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике»

» (1918–1940)» вышла в свет в 2001 г. при жизни ее главного редактора. Двухтомная «Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского зарубежья» была закончена и издана в 2016–2017 гг. учениками и соавторами Сергея Геннадиевича — Т. К. Шор и Т. Т. Гузаировым — уже после смерти профессора Исакова.

С. Г. Исаков родился в Нарве и, закончив здесь среднюю школу, в 1949 г. поступил в Тартуский государственный университет. Вся его жизнь, научная и педагогическая карьера связаны с Тартуским университетом. Научное и публицистическое наследие профессора Исакова велико: более 1000 научных и газетных публикаций, среди которых 10 монографий (см. Библиография 1953–1990; Библиография 1991–2011). В его научном творчестве выделяется несколько тем, которыми он активно и непрерывно занимался на протяжении всей своей исследова-

ХРОНИКА

РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
В ЭСТОНИИ
(1918–1940)

Из истории русского зарубежья

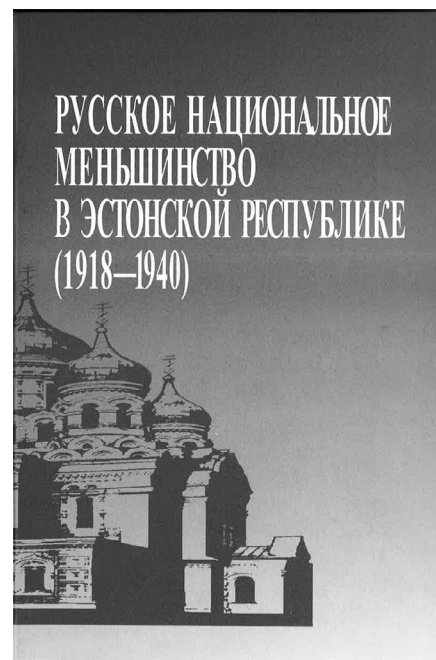

ФОТО ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛА «МНОГОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИЗДАНИЯ «ХРОНИКА РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ЭСТОНИИ (1918–1940). ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ» НА СЕМИНАРЕ «ESTO-RUSSICA» (Нарва, Нарвский колледж Тартуского университета, 3 ноября 2017 года).

тельской карьеры (1953–2012 гг.): русско-эстонские литературные связи, история эстонской и других национальных литератур, контакты между эстонской литературой и литературами других народов, переводы эстонской литературы на другие языки и произведений национальных литератур на эстонский язык, история Тартуского университета, литературная и культурная жизнь Тарту в прошлом. В 1990-е гг. в круг научных интересов С. Г. Исакова входит комплекс вопросов, связанных с историей русской эмиграции, русской общины в Эстонии в 1918–1940 гг., ее общественной, политической, культурной и литературной жизни. Эта проблематика становится центральной в его научном творчестве до конца жизни. Обращение к ней было закономерным в переломный для общества Эстонии период. Исследователь понимал, что современная русская община Эстонии нуждается в духовных опорах и надежных ориентирах, которые могут быть найдены в истории и культурном опыте русского национального меньшинства в независимой Эстонской Республике 1918–1940 гг.

К этому периоду научного творчества С. Г. Исакова относится и работа над монографией «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)». На основе изучения многочисленных архивных печатных и рукописных источников авторы коллективной монографии реконструируют историю русской общины в Эстонии 1918–1940 гг. Составлявшие более 8% населения Эстонии русские в те годы вели очень активную политическую, общественную и культурную жизнь. Заинтересованные читатели могут найти в этой монографии ответы на самые разнообразные вопросы. Какими юридическими правами обладали представители национальных меньшинств в 1918–1940 гг.? На каких языках можно было обращаться в государственные инстан-

ции? Сколько политических партий и объединений представляли интересы русского национального меньшинства? Сколько мест в парламенте оно имело? Какие общественные (эмигрантские, просветительские, благотворительные, академические и студенческие, театральные-художественные, литературные и музыкальные, церковные и религиозные, женские и молодежные, спортивные) организации и объединения русских существовали в то время? На каких языках в те годы русские получали начальное, среднее и высшее образование? Как была организована книгоиздательская деятельность и периодическая печать на русском языке? Какой была литературная, театральная, музыкальная жизнь русской общины? Какова история русских певческих праздников в Эстонии? Ответы на эти и другие вопросы волновали Сергея Геннадиевича и его коллег-соавторов монографии в кон. 1990-х гг.

Будучи уроженцем многонациональной довоенной Нарвы¹ и свидетелем событий тех лет, Сергей Геннадиевич понимал важность сохранения исторической памяти. В период кризиса и растерянности, которые переживала русская община на рубеже XX–XXI вв., ученый искал точки опоры в истории этой общины первой половины XX в. Довоенная Нарва с ее многокультурной и многоязычной городской средой, добрососедскими отношениями горожан виделась прообразом нового, еще не сложившегося общества Эстонии.

«Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940)». Из истории русского зарубежья», вышедшая уже после смерти С. Г. Исакова, стала логичным продолжением монографии «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)». Набранная уборым шрифтом «Хроника...» (общим объемом более 1000 страниц) — это своего рода документаль-

ное свидетельство, подтверждение общественной и культурной активности русского национального меньшинства в довоенной Эстонии, стремления, с одной стороны, сохранить свою культуру, с другой стороны — принять участие в жизни общества молодой Эстонской Республики. Фундаментальный труд — «Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940)». Из истории русского зарубежья» — можно использовать в педагогической и исследовательской работе. На ее основе педагоги могут разрабатывать методические материалы, позволяющие поддерживать национально-культурную идентичность молодого поколения русских людей в Эстонии. «Хроника» может быть использована как источник для исследовательской работы учеников основной школы и гимназии — реконструкции истории русского театра, школы, библиотеки, клуба, национально-культурного общества, спортивной организации и т. д. в своем городе.

Осмысление в этих изданиях истории, общественной и культурной жизни русского национального меньшинства в довоенной Эстонской Республике является актуальным для современного читателя и дает сопоставительный материал для анализа сегодняшней ситуации в обществе Эстонии.

Двухтомное издание «Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940)». Из истории русского Зарубежья» в 2016 г. на всероссийском конкурсе «Лучшие книги года» было признано лучшим зарубежным изданием на русском языке.

¹ По данным 1940 г., самыми крупными этническими общинами в Нарве были эстонцы (62%), русские (33%), немцы (1,5%) и финны (около 1%) (Смолокуров 2000: 65).

ЛИТЕРАТУРА

Библиография 1953–1990 — Библиография работ С. Г. Исакова за 1953–1990 гг. *ESTO-RUSSICA. Веб-сайт.* URL: <http://www.ut.ee/FLVE/ruslit/estorussica/isakov.htm>

Библиография 1991–2011 — Библиография работ С. Г. Исакова за 1991–2011 гг. / Сост. М. Кооп. *ESTO-RUSSICA. Веб-сайт.* URL: <http://www.ut.ee/FLVE/ruslit/estorussica/isakov.htm>

Смолокуров 2000 — Смолокуров А. (2000). Народонаселение Нарвы. Демографический обзор истории города. *Сборник Нарвского музея.* Нарва: Нарвский музей, 15–65.

Международная конференция Фонда интеграции «Единство в многокультурном обществе: роль культуры, медиа и гражданского общества» (Shared Identities in Diverse Communities: the Role of Culture, Media and Civil Society)

ОЛЬГА БУРДАКОВА PhD, доцент
Нарвский колледж Тартуского университета

ЕЛЕНА НЫММ PhD, доцент
Нарвский колледж Тартуского университета

Ежегодные международные конференции, организуемые Фондом интеграции Эстонии, уже давно стали заметным явлением в общественной и научной жизни нашей республики. Последняя конференция Фонда интеграции прошла 16–17 ноября 2017 г. в Таллинне и носила название «Единство в многокультурном обществе: роль культуры, медиа и гражданского общества» (Shared Identities in Diverse Communities: the Role of Culture, Media and Civil Society). Эти конференции традиционно объединяют ведущих эстонских и международных экспертов в области интеграции общества, многокультурного и многоязычного образования. Не исключением была и нынешняя конференция, на которой выступили Милтон Беннетт (США/Италия), Марью Лауристин (Эстония), Пеэтер Мехисто (Великобритания), Мартин Эхала (Эстония), Надежда Лебедева (Россия) и др.

Одной из центральных тем конференции стала роль СМИ в объединении многокультурного общества и конструировании общей идентичности.

Программный характер носил доклад Марью Лауристин, в котором были подведены промежуточные итоги интеграционных процессов в обществе Эстонии. Интеграцию, по мнению М. Лауристин, можно признать частично завершённой (созданы и функционируют государственные структуры, более половины русскоязычного населения Эстонии имеет эстонское гражданство, заметны успехи в изучении эстонского языка). Однако в обществе все же наблюдается размежевание национально-культурных групп по медийному пространству, в котором они существуют. Данные проведенного исследования показывают, что 85% русскоязычного населения Эстонии являются потребителями российских СМИ. Местные русскоязычные телевидение и радио, очевидно, проигрывают в этой конкурентной борьбе (самый удачный эстонский опыт радиовещания на русском языке — «Радио-4»). Мониторинг интеграции в Эстонии позволил М. Лауристин выделить среди русскоязычного населения 4 группы людей, различающихся по национально-культурному само-

определению, уровню владения эстонским языком, степени их успешности в обществе, месту проживания, возрасту, лояльности государству и актуальным для них СМИ. Эти группы людей оказываются в разной степени интегрированными в эстонское общество. Большую роль, по мнению докладчика, в этом процессе играют СМИ, которые формируют картину реальности.

В первый день конференции состоялась дискуссия «Медиа как платформа для общей идентичности в контексте культурного, этнического и религиозного многообразия», в которой приняли участие профессор Тартуского университета Марью Лауристин, руководитель по связям с общественностью канала ВВС Роб Беркелей, директор по массовым и корпоративным коммуникациям в Международной организации по миграции (International Organization for Migration) Лаурентиу Чобаника. Вела дискуссию журналист «Postimees» Эвелин Калдоя. Дискуссия развернулась вокруг роли т. н. социальных СМИ (социальных сетей в Интернете) в процессе интеграции:

Konverents

МИЛТОН БЕННЕТТ

являются социальные СМИ средством разъединения или, наоборот, сплочения людей? Мнения экспертов разделились: одни считают социальные СМИ ресурсом, помогающим мигрантам в процессе адаптации, другие видят в социальных СМИ опасность сегрегации групп мигрантов и инструмент для манипулирования сознанием людей.

Основатель Института исследований межкультурного развития (Intercultural Development Research Institute) доктор Милтон Беннетт представил доклад «Ценность культурного многообразия: риторика и реальность». В этом докладе профессор напомнил слушателям основные положения своей теории развития межкультурной чуткости, в основе которой лежит представление о том, как человек воспринимает и оценивает межкультурные различия. Беннетт выделяет две полярные позиции, которые может занимать человек в оценке межкультурных различий: этноцентризм (постановка своей культуры в центр мироздания и восприятие всего сквозь призму ценностей, заданных собственной культурой) и этнорелятивизм (признание равенства всех культур и относительности систем ценностей в разных культурах). Модель развития межкультурной чуткости, по Беннетту, представляет собой постепенный переход от этноцентризма к этнорелятивизму. В этом процессе выделяется шесть стадий: три стадии этноцентризма (отрицание межкультурных различий, защита от них, мини-

мизация или умаление их значения), три стадии этнорелятивизма (признание объективного существования различий, адаптация к этим различиям и интеграция их в своей картине мира). Эту модель развития межкультурной чуткости, разработанную в кон. XX в., Милтон Беннетт в докладе соотнес с различными философскими научными парадигмами: «ньютоновской» (позитивизм), «эйнштейновской» (релятивизм) и «квантовой» (конструктивизм). Взаимная адаптация и интеграция разных культур, которой завершается процесс развития межкультурной чуткости, по мысли ученого, приводит к возникновению в обществе третьей культуры. Вокруг этого результата интеграции и его неоднозначных оценок на конференции развернулась живая дискуссия.

Международная конференция Фонда интеграции — это не только площадка для обмена мнениями теоретиков в области интеграции. На конференции, по традиции, были представлены многочисленные позитивные примеры реализации разнообразных социальных и культурных проектов, направленных на интеграцию мигрантов и представителей национально-культурных меньшинств, в Финляндии, Бельгии, Швеции, Норвегии, Эстонии и т. д.

Интеграция в обществе — это результат государственной политики страны. Очевидно, что в обсуждение вопросов интеграции должны быть вовлечены не только ученые, но и политики,

представляющие интересы избирателей в Рийгикогу и муниципальных органах власти. Очень логичным завершением конференции стали политические дебаты «Сплоченная Эстония: „Столько еще нужно сделать, столько мест посетить, людей объединить“¹». В дебатах приняли участие представители четырех ведущих политических партий Эстонии: Евгений Осиновский (Социал-демократическая партия) Михаил Кылварт (Центристская партия), Йоко Аллендер (Реформистская партия), Виктория Ладынская (Союз Отечества и Res Publica). Заявленный в программе представитель Консервативной народной партии Эстонии Мартин Хельме от участия в дебатах отказался. В ходе дискуссии об интеграции ключевым стал вопрос о системе образования как инструменте, который позволяет интегрировать молодое поколение. Вопрос о языке обучения стал одним из самых обсуждаемых.

Михаил Кылварт высказал мнение о том, что не существует универсальных решений, которые подходили бы всем детям. Он убежден в том, что сегодняшняя система образования должна предоставить родителям ребенка на выбор разные возможности: образование на родном (эстонском/русском) языке, одностороннее языковое погружение или объединенная эстонско-русская школа (двустороннее погружение). Только возможность выбора позволит родителям избавиться от страха навязанного кем-то решения.

Евгений Осиновский скептически оценил обсуждение вопроса о языке обучения. На его взгляд, эта тема является инструментом для манипуляции мнением избирателей и поднимается только перед очередными политическими выборами. Беспокойство у него вызывает положение в эстоноязычной школе иноязычного ребенка, лишеного поддержки в родном языке и культуре. Этим вопросом, считает Е. Осиновский, следует заниматься всерьез.

Виктория Ладынская призналась, что все политики (независимо от партийной принадлежности) разделяют мнение о необходимости знания русскоязычными жителями Эстонии эстонского языка. Для себя она этот вопрос решила, >>

¹ В названии дебатов были использованы слова «инспектора по интеграции» из телепередачи «Наши Эстонии» («Meie Eestid», канал ETV).

K o n v e r e n t s

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ «СПЛОЧЕННАЯ ЭСТОНИЯ» (17 ноября 2017 года).

>> отдав своего ребенка в эстоноязычный детский сад. По мнению В. Ладынской, поддержка родного языка ребенка — это задача и ответственность родителя. Йоко Алендер поддержала позицию Виктории Ладынской в формировании двуязычия. Она считает, что дошкольный возраст — оптимальное время для начала обучения на втором языке.

Конечно, интеграция эстонского общества не сводится к вопросу о владении государственным языком и обучении на том или другом языке/языках. Однако неслучайно значительная часть политических дебатов на конференции была посвящена вопросам образования и языка обучения: образовательное учреждение (детский сад, школа, вуз)

должно быть институтом социализации молодого поколения, приобщения его к общественной культуре, формирования гражданской позиции и национально-культурной идентичности, другими словами, должно выполнять функции интеграции общества.

Ежегодные международные конференции Фонда интеграции выполняют сразу несколько важных научных и общественных задач. Они регулярно представляют результаты мониторинга процессов интеграции в разных странах и дают им аналитическую оценку; знакомят участников конференции с разнообразными позитивными практиками интеграции и привлекают широкую общественность к осмыслению достижений в области интеграции. Круг слушателей и участников конференции не ограничивается научным сообществом: за ходом конференции в режиме прямой трансляции в сети Интернет наблюдают все неравнодушные к вопросам интеграции.

Большая часть докладов, мастер-классов и дискуссии записаны на видео. Приглашаем всех заинтересованных ознакомиться с материалами конференции на сайте Фонда интеграции Эстонии: <http://integrationconference.ee/archive/>

«ESTO-RUSSICA»: Пятый научный семинар памяти С. Г. Исакова

ТАТЬЯНА ШОР

PhD, архивариус
Национальный архив Эстонии

3 ноября 2017 года в большой и светлой аудитории Нарвского колледжа при живом интересе многочисленных участников состоялся пятый научный семинар памяти профессора-нарвятинина С. Г. Исакова (1931–2013), организованный силами лектората русского языка Нарвского колледжа и отделения славистики Колледжа мировых языков и культур Тартуского университета.

После открытия семинара доцентом Нарвского колледжа О. Н. Бурдаковой состоялась презентация последнего труда С. Г. Исакова — двухтомника «Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940)», вышедшего в серии «Из истории русского зарубежья» в 2016–2017 гг. Труд, признанный Ассоциацией книгоиздателей России луч-

шим зарубежным изданием на русском языке 2016 г., представила директор издательства «Александра» Н. Д. Мельц. В своей речи она отметила работу соавторов Т. К. Шор и Т. Т. Гузаирова, которые завершили «Хронику...» и подготовили ее к печати.

Программа научного семинара включила в себя девять докладов, посвя-

Konvents

ФОТО: АННА МАРКОВА

ПРОФЕССОР ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Л. Н. КИСЕЛЕВА.

щенных различным вопросам русско-эстонских и — шире — славяно-эстонских культурных и социальных контактов. Три доклада освещали эту проблему в период Первой Эстонской Республики. Профессор Л. Н. Киселева в докладе «Дискуссия о „насильственных культурных влияниях“ в Эстонии 1930-х годов» проанализировала результаты анкетирования эстонских писателей на страницах журнала «Looming» и их отношение к преподаванию иностранных языков, в том числе русского, в эстонских школах. Т. К. Шор говорила о проблемах славистики на страницах журнала «Eesti Keel» (1922–1940). Т. Т. Гузаиров остановился на анализе учебников эстонской истории, подготовленных А. И. Макаровским для русских школ.

К этнографическому блоку семинара относились доклады О. Н. Бурдаковой и Е. Ю. Нымм «Памятники воинской

славы как объекты нарвского свадебного маршрута», а также М. Кувайцевой «Эстонские и русские календарные обряды, приуроченные к зимнему и летнему солнцестоянию: сопоставительный аспект». Они вызвали живую дискуссию, так как первый охватывал период начиная с 1960-х гг. до настоящего времени и оказался для нарвцев очень интересным и насыщенным, а последний сопровождался практическим занятием, в котором приняли непосредственное участие слушатели семинара.

В литературоведческом блоке семинара отметим интересные доклады тартусцев Л. Л. Пильд «„Петр Первый“ А. Н. Толстого в эстонском переводе», М. В. Боровиковой «Лирика А. Ахматовой и Н. Гумилева в переводах К. Кангура» и лектора Нарвского колледжа Е. П. Дерябиной «Эстония в гвардейских воспоминаниях Афанасия

Фета». Семинар завершило выступление лектора кафедры русской литературы Тартуского университета Т. Н. Степанцевой, которая вместе с докторанткой А. Веселко представили дискуссионный материал «„Является идеальным для данного момента“: перевод учебника по литературе для национальной школы (1949 г.)». Таким образом, студенты, учителя и все, пришедшие на очередной семинар «ESTO-RUSSICA», оказались вовлеченными в противоречивый культурно-исторический контекст русско-эстонских связей XIX–XXI вв., изучению которого С. Г. Исаков посвятил большую часть своей научной деятельности.

В заключение отметим, что мемориальная библиотека С. Г. Исакова, хранящаяся в Нарвском колледже, пополнилась новыми ценными книгами, которые привезла с собой из Тарту вдова ученого Миральда Эдуардовна Коор.

Konvents

Научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном образовательном пространстве – I: Формирование ключевых компетенций на уроках русского языка и литературы»

ЕЛЕНА ДЕРЯБИНА

кандидат филологических наук, лектор
Нарвский колледж Тартуского университета

22 сентября 2017 г. в Нарвском колледже Тартуского университета прошла первая научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном образовательном пространстве». Тема конференции — «Формирование ключевых компетенций на уроках русского языка и литературы». Конференция проводилась совместно с факультетом русской филологии и иностранных языков Псковского государственного университета, представители которого выступили с разнообразными докладами и мастер-классами. В центре внимания участников семинара были современные подходы в преподавании русского языка и литературы, в том числе способствующие формированию национальной идентичности. Среди многочисленных участников конференции — учителя русского языка и литературы Ида-Вирумаа, а также преподаватели и студенты колледжа.

Конференция открывалась докладом доцента кафедры русского языка и русского языка как иностранного Псковского государственного университета Лины Бронисловны Воробьевой «Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку». Лина Бронисловна обратилась к фразеологическому уровню русского языка, наиболее полно выражающему

ФОТО: АННА МАРКОВА

ДОЦЕНТ НАРВСКОГО КОЛЛЕДЖА ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
О. Н. БУРДАКОВА. ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

национально-культурное своеобразие. На примере анализа таких фразеологических единиц, как *бить баклуши*, *сбоку припека*, *носиться как с писаной торбой*, *как Мамай прошел*, *бить челом*, *лопасть впросак* и др. докладчица показала, как факты материальной культуры и истории, система цен-

ностей, этикетное поведение, особенности ментальности народа закрепляются в языке, отображая национальную идентичность.

Наталья Ивановна Яковлева, доцент кафедры русского языка и РКИ (ПсковГУ) организовала мастер-класс

K o n v e r e n t s

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ. «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ - I: ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ».

«Работа с текстом на уроках русского языка». На материале произведений русской литературы были продемонстрированы современные приемы работы с текстом при изучении русского языка в школе — такие, как создание проблемной ситуации, творческое списывание, комплексный анализ текста. По убеждению Натальи Ивановны, именно текстовый подход способствует системному усвоению знаний учащимися, формированию коммуникативной и культуроведческой компетенций.

Еще один мастер-класс, вызвавший живую реакцию аудитории, был организован Натальей Петровной Ивановой (доцентом кафедры литературы ПсковГУ) на тему «Формирование нравственных ценностей на уроках изучения классической литературы в школе». Он был посвящен воспитательному значению повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Наталья Петровна провела обзорный урок, в ходе которого участники конференции отвечали на разнообразные вопросы по тексту повести, анализировали ее значимые фрагменты. Обсуждение переросло в

дискуссию о том, насколько актуальна воспитательная функция урока литературы для современных школьников.

В докладе «Проблема национальной идентичности в литературе русской эмиграции: опыт изучения и преподавания» Аиды Геннадьевны Разумовской, представлявшей Открытый институт русского языка и культуры имени профессора Е. А. Маймина, а также кафедру литературы ПсковГУ, анализировался обширный и разнообразный материал произведений писателей русской эмиграции: И. А. Бунина («Холодная осень», «Поздний час», «Часовня»), В. Набокова («Обида», «Лебеда», «Машенька»), Л. Ф. Зурова («Древний путь»). Аида Геннадьевна подчеркнула, что для писателей-эмигрантов отражение в творчестве национальной идентичности персонажа, передаваемой через национально-культурные концепты, идеалы, коды, было особенно актуальной задачей. Во многих рассмотренных произведениях ключевым национально окрашенным образом оказывалась русская усадьба с ее особым бытовым укладом и садом.

Завершала конференцию доцент кафедры литературы ПсковГУ Елена Владимировна Сашина, выступившая с докладом «Своеобразие психологизма в текстах русских и французских писателей и школьная практика». В нем также звучала мысль о важности для художественного мира Стендаля, Оноре де Бальзака, Проспера Мериме национальной идентичности персонажей, которая зачастую проявляется через диалог (конфликт) с представителями других наций.

Псковские филологи предложили аудитории принять участие в нескольких интересных проектах: в Пушкинской олимпиаде для иностранных школьников, в творческом конкурсе для учителей и молодежи «Мы сохраним тебя, русская речь». Участники конференции выразили надежду, что проведение в колледже совместных научно-практических мероприятий, объединяющих преподавателей и студентов различных учебных заведений, станет хорошей традицией.

M m
t e h

i

a
r

Keelene

idus

TARTU ÜLIKOOL
NARVA KOLLEDŽ